

УДК 908(1-924.71):929Ванцетти(047.2)

**ТИТ ВАНЦЕТТИ И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ,
ПРЕДПРИНЯТОЕ ОСЕНЬЮ 1835 года»**

Петрова Э. Б.

*Таврическая академия Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Среди сочинений путешественников по Крыму конца XVIII–XIX в. выделяется по своему содержанию и значимости книга Тита Ванцетти (1809–1888), итальянского врача (хирурга, офтальмолога, с 1837 г. – доктора медицины), выпускника Падуанского университета, посетившего Крым с рабочей поездкой летом-осенью 1835 г. по приглашению графа М. С. Воронцова. На южном берегу (в Алушке), в Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Феодосии и Керчи он бесплатно оперировал больных, произвёл 76 успешных операций. Одновременно в короткие периоды отдыха осматривал достопримечательности Крымского полуострова. Его книга вышла на французском языке в Одессе в 1836 г. Она представляет интерес для специалистов в области истории, этнографии, литературы, медицины и впервые включается в научный оборот. Перевод книги на русский язык осуществлён Г. И. Беднарчиком.

Ключевые слова: путешественники по Крыму конца XVIII – первой половины XIX в., Тит Ванцетти.

К 180-летию выхода книги в свет

Путешествия по Крыму конца XVIII – первой половины XIX в. стали главной темой научных исследований Виталия Николаевича Даниленко. Здесь он был одним из первопроходцев. К сожалению, судьба распорядилась так, что Виталий Николаевич успел опубликовать только несколько статей по этой теме, ныне ставшей весьма популярной в научном крымоведении.

Данная статья посвящена «Путешествию...» по Крыму итальянца Тита Ванцетти, до сих пор остававшемуся вне поля зрения исследователей.

Тит (Тито) Ванцетти (Ванцети; 29 апреля 1809, Венеция – 6 января 1888, Падуя) – хирург, офтальмолог, член итальянских и международных научных обществ, автор научных книг по медицине [см. о нём: 1, с. 497–498; 2]. В начале 1830-х гг. обучался и имел практику в старейших университетах Европы – Падуанском, Венском. В 1834 г. молодой врач прибыл в Одессу, где продолжил свои медицинские занятия. Летом 1835 г. он отправляется морем из Одессы в Крым. Это была в основном рабочая поездка: Тит Ванцетти занимался оказанием медицинской помощи местным жителям, а заодно путешествовал по полуострову. В конце осени того же года он возвращается из Крыма в Одессу. В 1837 г. в Харьковском университете получает степень доктора медицины и вскоре там же становится профессором клинической хирургии. Делает сложные, порой уникальные операции, пишет научные труды. Посещает известные

хирургические центры в Германии, Франции, Англии. Его имя вошло в историю харьковской офтальмологической школы. По возвращении на родину с 1853 г. и до конца жизни Тит Ванцетти является профессором клинической хирургии в родном ему Падуанском университете.

Поездка в Крым была значимым этапом в жизни молодого врача. Здесь он приобретал профессиональный опыт, общался со многими и очень разными людьми, знакомился с малоизвестным краем. Во время пребывания на полуострове делал записи, которые легли в основу книги «Путешествие в Крым, предпринятое осенью 1835 года», написанной им по свежим впечатлениям в конце 1835 г. [3]. Из печати она вышла в начале следующего, 1836 г. (разрешение на её публикацию было дано одесским цензором 21 января [по ст. ст.] 1836 г.). Книга Тита Ванцетти никогда ранее не переводилась на русский язык и, насколько мне известно, не вводилась в научный оборот.

Между тем это небольшое по объёму сочинение, несомненно, имеет историческую ценность и, надеюсь, вызовет интерес у специалистов в области истории, этнографии, литературы и медицины. Его привлекательность состоит не только в том, что перед нами ещё одно «путешествие» по Крыму в ряду довольно многих, написанных в конце XVIII – первой половине XIX в., и даже не только в том, что его автор – итальянец, а среди иностранных путешественников, оставивших записки о своих крымских вояжах, уроженцы Италии – большая редкость. Это сочинение в некотором смысле уникально, так как его автор по профессии врач, в Крыму занимался врачебной практикой и эта практика стала главной темой его сочинения. В предисловии Ванцетти заявляет, что его труд «предназначен для широкой публики», между тем в нём превалируют описания, имеющие прямое отношение к медицине, в нём содержится множество терминов, с которыми «широкая публика» вряд ли знакома. Но именно это нам и интересно. Интересно, потому что книга Ванцетти – своего рода эпизод из будней Крыма почти двухсотлетней давности, в ней рассказывается о простых людях разных национальностей и занятий, их быте, горестях, она наполнена глубокими чувствами по отношению к тем, кто остро нуждался в медицинской помощи и получил её от молодого врача, специально прибывшего для этого в Крым.

Всё это так необычно для сочинений вояжёров, больше внимания уделявших описанию богатых имений и характеристике их благополучных хозяев. В книге Ванцетти перед нами предстаёт другой Крым – малоизвестный, простонародный. А ещё повествование Ванцетти можно рассматривать как эпизод из истории медицины в Крыму (смею надеяться, что оно заинтересует специалистов в области истории медицины).

Хочется также отметить хороший слог автора, его умение соединять суховатые медицинские описания с красочными повествованиями о роскоши природы и о людях.

Своё сочинение Тит Ванцетти посвятил графу Михаилу Семёновичу Воронцову (1782–1856), генерал-губернатору Новороссийского края и полномочному наместнику Бессарабии (1823–1844 гг.). Основной текст предваряет обращение к графу, из которого следует, что эта книга является отчётом о проделанной молодым врачом «с исключительно благотворительной целью» работе – «медицинской помощи населению Крыма». Здесь же говорится, что правительство Тавриды направило М. С. Воронцову

отношение по поводу врачебной практики Ванцетти на полуострове (наверняка положительно оценённой), а в газетах появились лестные отзывы о ней. Но автор не удовлетворился составлением сухого отчёта и превратил его в увлекательный рассказ, который он писал «в редкие моменты отдыха, вспоминая о трогательных и приятных моментах» своей поездки на полуостров [3, р. 8].

Обращение к графу было неслучайным. Поездка в Крым молодого практикующего врача была инициирована Воронцовым как генерал-губернатором Новороссии, имевшим свою резиденцию в Одессе. Не исключено, что и в самой Одессе Ванцетти оказался по приглашению графа, благодаря которому, как известно, немало иностранцев приезжало на работу в Россию, в том числе в Крым.

В июле 1835 г. М. С. Воронцов осуществил плавание из Одессы в Крым и на Кавказ на пароходе «Пётр Великий» (судно было изготовлено в Англии по заказу Воронцова специально для осуществления рейсов из Одессы в Крым и на Кавказ [см., например: 4, с. 217, 220–222]). Надо полагать, этим рейсом Ванцетти и прибыл на полуостров. Он пишет: «Очарованный крымским пейзажем, воспетым знаменитым путешественником Палласом, я поспешил воспользоваться приглашением господина графа Воронцова, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, принять участие в его посещении большей части территории полуострова от Чёрного моря до Киммерийского Боспора (Керченского пролива. – Э. П.), от южной оконечности Крыма до Азовского моря» [3, р. 10].

Пароход заходил в порты Ялты, Феодосии и Керчи. 13 июля он отправился из Керчи на Кавказ [4, с. 217, 220]. Ванцетти ограничился поездкой в Крым, и трудно сказать, дошёл ли он по морю до Керчи или, быть может, покинул борт корабля раньше, например, в Феодосии. Очевидно то, что он спешил на Южный берег Крыма: «Именно тогда, пересекая верхом на лошади крымские горы, оканчивающиеся в окрестностях Феодосии, рядом с деревней Оттузы, я вместе с Палласом (с сочинением П. С. Палласа. – Э. П. [5; 6]) посетил “эти долины с анатолийским климатом Малой Азии, где зима почти совсем не ощущается”» [3, р. 10] (в цитате из Палласа, приведённой Ванцетти, речь идёт о климате именно крымского Южного бережья).

Путешествие с генерал-губернатором было для Тита Ванцетти познавательным. Молодого человека интересовали природа полуострова, его население, история. Заодно он вспоминал, что ранее читал о Крыме. Из античных писателей выделял Страбона, автора «Географии в 17 книгах» (I в. до н. э.). Из произведений нового времени – «Краткое физическое и топографическое описание Тавриды» Петра Симона Палласа, немецкого и российского учёного-натуралиста, с 1785 по 1810 г. жившего и работавшего в Крыму [5; 6. Русский перевод: 7]. Упомянул также «Илиаду» легендарного Гомера (впрочем, не к месту, явно ошибочно) и «Путеводитель путешественника по Крыму...» француза швейцарского происхождения Шарля Монтандона, опубликованный в Одессе в 1834 г., незадолго до поездки в Крым Ванцетти [8. Русский перевод: 9].

Нужно сказать, что другие авторы «путешествий» обычно обращались к более обширной литературе, посвящённой Крыму. Но мы должны учитывать, что поездка Тита Ванцетти носила рабочий характер и не была заранее запланированной (ведь он

«поспешил принять приглашение господина графа Воронцова»). Между тем Страбона и Палласа молодой врач не просто пролистал, а проштудировал. Книгу Палласа взял с собой в поездку и с ней не расставался, когда посещал крымские «долины с анатолийским климатом Малой Азии», а потом в своём сочинении приводил из неё цитаты [3, р. 10]. К Страбону обращался, когда писал своё «Путешествие в Крым...», но мог читать его «Географию» и раньше – в Одессе или даже ещё на родине [3, р. 14].

В сочинении Ванцетти, как и в путевых записках других путешественников, встречаются ошибки; связаны они со слабой научной изученностью географии и в особенности истории Крыма в те времена (об этих ошибках будет сказано в примечаниях к тексту книги Т. Ванцетти).

Поездка Тита Ванцетти по югу и востоку Крыма, последовавшая за его ознакомительно-познавательным вояжем на пароходе, была рабочей. Она длилась четыре месяца и пришлась на вторую половину лета и осень 1835 г. Два месяца (примерно с середины июля) он провёл в Мисхоре – «в качестве врача Его Превосходительства генерала Льва Нарышкина и его семейства» (возможно, по рекомендации М. С. Воронцова), а с 26 сентября до середины ноября ездил по городам Крыма, занимаясь большой и сложной профессиональной работой [3, р. 9, 20].

Пребывание в имении Нарышкиных оставило у нашего автора самые благоприятные впечатления: «Воспоминания о Мисхоре и Алушке, о встречах с элитным аристократическим обществом, графом Воронцовым, генералом Нарышкиным и знаменитыми путешественниками на фоне прекрасной природы в волшебных покоях двух резиденций надолго останутся в моём сердце» [3, р. 20]. Две резиденции – это южно-бережные имения Л. А. Нарышкина и М. С. Воронцова.

Лев Александрович Нарышкин (1785–1846) – генерал-лейтенант, участник наполеоновских войн; двоюродный брат графа М. С. Воронцова. Его супруга – Ольга Станиславовна Нарышкина (урожд. Потоцкая; 1802–1861). Чета Нарышкиных владела прекрасным поместьем в Мисхоре. Лев Александрович получил здесь земли от своей тётки – Марии Антоновны Нарышкиной. А Ольга Станиславовна стала наследницей мисхорского имения своей матери – Софии Константиновны Глявоне-Витт-Потоцкой. Природные красоты местности дополнились обширным садом, парком, виноградниками. Мисхорское имение Нарышкиных соседствовало с Алушкой Воронцова; два поместья обустроивались в одно и то же время, в них трудились одни и те же архитекторы, садовники. [См., например : 10, с. 165 слл.; 11; 12, с. 175 слл.]

У Нарышкиных был также роскошный дом в Одессе (он был построен в 1828 г. по проекту одесского архитектора итальянца Франческо Боффо – как, кстати, и одесский дом-дворец графа М. С. Воронцова). Скорее всего, Ванцетти познакомился с Нарышкиными ещё в Одессе, и там был решён вопрос о его работе в качестве врача в их мисхорском имении.

Обосновавшись в Мисхоре, Ванцетти посещал и другие места южного берега, в первую очередь Алушку, имение М. С. Воронцова. Там «строится великолепный дворец из гранита с богатой коллекцией древнеримских произведений искусства», – пишет он [3, р. 13]. С 1824 по 1848 г. в этой летней резиденции графа возводились

дворцовые постройки (правда, не из гранита, а из твёрдого местного камня диабаз) и создавался роскошный многоплановый парк в 40 га, в нём произрастали растения из разных стран мира и, конечно, крымские [см., например : 10, с. 35–88; 13]. В 1835 г. наш путешественник мог видеть некоторые уже построенные здания, другие – в процессе возведения (Главный корпус дворца был завершён в 1837 г., Зимний сад – в 1838-м). Примечательно, что при определении места дворца Ванцетти упомянул известный из сочинений античных писателей мыс Криуметопон (Криу Метопон; *греч.* «бараний лоб»), считавшийся крайней южной точкой Крымского полуострова [3, р. 13]. В науке Криуметопон отождествляют с разными мысами : с мысом Сарыч, с мысом Ай-Тодор, иногда – с горой Аю-Даг (Страбон, чьё произведение хорошо знал Ванцетти, под Криуметопоном мог подразумевать мыс Сарыч, что недалеко от посёлка Форос). [См. подробнее : 14, с. 39–42; 15, с. 113–114; 16, с. 213.]

Что касается именитых вояжёров, то Ванцетти мог встречаться с ними и в Мисхоре, и в Алушке, и в иных местах Южного бережья. Хозяева крымских имений, как правило, были гостеприимны и предоставляли свои апартаменты «знаменитым путешественникам».

Вслед за этим около двух месяцев длилась рабочая поездка Тита Ванцетти по городам полуострова. Трудно сказать, была ли она запланирована заранее, ещё в Одессе, или решение о ней было принято уже в Крыму. Скорее всё же второе, во всяком случае, наш автор говорит, что, узнав о широком распространении среди местного населения разного рода глазных болезней, он «счёл необходимым для себя, как глазного хирурга, обязательно вернуться сюда и помочь страдающим больным воспользоваться всеми достижениями глазной хирургии. Имея богатый опыт в этой области, воодушевлённый мыслью о том, что огромное количество потерявших зрение людей благодаря моим операциям сможет вновь увидеть свет, на что они уже и перестали надеяться, я задумал совершить врачебную поездку в самые густонаселённые районы полуострова» [3, р. 19]. В другом месте он прямо говорит о своём «первом посещении Крыма» [3, р. 18], значит, было и второе. Не исключено даже, что после работы у Нарышкиных он на очень короткое время вернулся в Одессу (скажем, для того, чтобы взять с собой необходимые инструменты), а затем по собственной инициативе «26 сентября отправился в рабочую поездку по полуострову» [3, р. 20]. (В навигацию 1835 г. пароходы, в том числе «Пётр Великий», совершили из Одессы в Крым немало рейсов [4, с. 221–222].)

И в течение двух месяцев Тит Ванцетти ведёт приём пациентов в шести городах Крыма (к пяти городам, в которых он предполагал работать, присоединился шестой – Керчь), осуществляет 76 операций, не считая мелких. «Исключая одну ампутацию, два камнесечения, литотрипсию мочевыводящих путей и несколько удалений опухолей, все остальные операции были проведены в области глазной хирургии. Главным образом речь шла об удалении катаракты и различных инородных предметов, трихиазах, а также об искусственном зрачке» [3, р. 20]. Книга Ванцетти, посвящённая его пребыванию на полуострове, демонстрирует хорошую профессиональную подготовку молодого врача, знание специальной научной литературы по медицине, вла-

дение новейшими методами лечения и оперирования. Примечательно, что некоторые операции, проведённые в Крыму, ему довелось делать впервые, и он с этой работой успешно справился.

Стремясь сделать как можно больше операций, Ванцетти переезжает из города в город по ночам, а представителей местных властей просит заранее оповещать больных, включая тех, кто жил в отдалённых местах, о времени его приезда и месте, где он будет вести приём. Он даже пообещал денежное вознаграждение тем, кто приведёт к нему самое большое количество незрячих. А оперировал всех, нуждавшихся в помощи, бесплатно; делал, по его словам, «сложнейшие операции среди татар, греков, армян и других народностей Крыма», язык и нравы коих не знал, в связи с чем вынужден был пользоваться услугами переводчиков. Он заботился о том, чтобы после его отъезда больным был обеспечен послеоперационный уход, а если его пациенты не имели на это средств, то помогал им материально. Нередко бывало, что Ванцетти задерживался в том или ином месте дольше, чем предполагал, или возвращался в покинутый город, волнуясь за состояние тех, кого прооперировал там. Дольше всего он задержался в Феодосии, так как больные шли нескончаемым потоком с утра до вечера.

И всё это ему было нужно отнюдь не только ради получения практического опыта и материала для научных исследований. Тит Ванцетти был врачом от Бога, что немислимо без особых душевных качеств, без доброты, чувства сострадания и безмерного желания обратить все свои знания и навыки на помощь страждущим.

Всё повествование нашего путешественника проникнуто любовью к людям и своей профессии. Но нужно сказать, что ко всем, с кем ему довелось общаться, а не только к пациентам, его отношение было самым доброжелательным. Ванцетти не забыл в своём сочинении выразить благодарность тем, кто помогал ему в его благородном деле: «Никогда не забуду, как я, иностранец, был удостоен их дружбы и как они всеми силами поддерживали меня. Именно благодаря этой помощи, надеюсь, мне удалось предоставить возможность населению Крыма воспользоваться достижениями глазной хирургии» [3, р. 21–22].

Ни словом не обмолвился Ванцетти по поводу того, что ему не понравилось в Крыму (и в целом в России). Напротив, он восторгался всем, что увидел : природой этого края (в том числе климатом, благоприятным для здоровья людей : «Это место посещают больные из самых удалённых уголков России, особенно после того, как они уже отчаялись получить действенную помощь от лечащих их докторов» [3, р. 17]); трудолюбием его жителей, их заботой о развитии сельского хозяйства, строительстве, о дорогах, портах («Каждый клочок земли и даже холмы превращены здесь в ухоженные виноградники, оливковые рощи и фруктовые сады. В горах и среди скал проведены надёжные и удобные дороги. Всё побережье усеяно симпатичными строениями, дачами и сельскими домиками» [3, р. 13]). С радостью отмечает он, что на полуострове создаются карантинные посты, строятся больницы, уделяется внимание полезным для лечения ряда заболеваний грязевым источникам в Саках, близ Перекопа и Арабатской стрелки [3, р. 16]. И это, нужно сказать, контрастирует с нега-

тивными и далеко не всегда справедливыми высказываниями о России и её жителях довольно многих европейских путешественников по Крыму конца XVIII – первой половины XIX в.

В Крыму Тит Ванцетти приобрёл немало новых знакомых и друзей. Его книга пестрит именами разных людей : и известных нам из сочинений других вояжёров и иных источников, и совсем нам незнакомых; людей разного социального статуса и материального положения, разных национальностей и профессий, всех возрастов; тех, кто жил в Крыму постоянно или временно находился на полуострове.

Много раз в сочинении Ванцетти говорится о Михаиле Семёновиче Воронцове и явно в преувеличенном тоне – о его деятельности в Крыму : «... ещё всего несколько лет назад, во времена путешествия академика Палласа, всё здесь было заброшено, и только гений нынешнего руководителя этой территории по-настоящему раскрыл все богатства данного края: он насадил здесь культуру ведения сельского хозяйства, построил дороги, а также устранил все препятствия на пути промышленного развития Крыма и создания ещё одного бесценного источника обогащения империи и её населения. Именно этот человек стоит у истоков рождения новой эры в истории полуострова» [3, р. 12]. И это не лесть, большинство вояжёров связывали едва ли не все лучшие начинания в Крыму того времени с деятельностью Воронцова.

С самыми лучшими характеристиками упоминаются Александр Иванович Казначеев (1788–1880), таврический гражданский губернатор в 1829–1837 гг., и князь Захар (Захарий) Семёнович Херхеулидзе (Херхеулидзе; 1797(8)–1856), керчь-еникальский градоначальник в 1833–1850 гг. Оба – выдвинуты М. С. Воронцова, чиновники «Воронцовской школы».

Ванцетти счёл нужным упомянуть в своей книге имена многих людей, с которыми ему довелось общаться и которым он был благодарен за гостеприимный приём и оказанную ему помощь; здесь и представители городских властей, и практиковавшие в Крыму врачи. Не забыт никто из его пациентов, среди коих большинство – простые люди, бедняки и даже нищие.

В конце книги Ванцетти помещает список пациентов и операций, произведённых им в Крыму и в Одессе [3, р. 57–62]. В Крыму, как уже говорилось, – 76 операций, в Одессе – 15. Некоторым пациентам пришлось делать по две операции на разных органах. Ванцетти специализировался по офтальмологии, но был хирургом широкого профиля.

Увлечённый своей профессией, он осматривал больницы в Алушке, Ай-Даниле, организованные М. С. Воронцовым, посетил гарнизонный госпиталь в крепости Ени-Кале, карантинный пост в Керчи, обязательно беседовал с местными врачами. Всё виденное произвело на него хорошее впечатление.

Ванцетти был не только оперирующим и лечащим врачом, он – исследователь. Для него было важно выяснить причины распространения того или иного заболевания в определённом месте. В Крыму его «поразило огромное количество глазных болезней и случаев полной потери зрения... в основном, в сельской местности». «Размышляя о причинах этих заболеваний, я пришёл к выводу, что они не являются какой-либо

местной, специфической офтальмией, а в большей степени связаны с оспенным глазным воспалением. Чаще всего эти случаи встречаются у местного населения, отвергающего вакцинацию и безразлично относящегося к своему здоровью. Определённую роль в этом также играют фатализм, вытекающий из религиозных догм, и слепая вера в исцеляющее могущество различного рода старух, как бы единственно посвящённых в таинства природы» [3, р. 18–19]. Так называемая крымская лихорадка полностью исчезнет тогда, считает он, когда сельчане отведают стоячие воды [3, р. 18].

Путешествие по Крыму

Описание своей двухмесячной врачебной практики на полуострове Ванцетти начал с **Южного берега Крыма**, где в алушкинской больнице графа М. С. Воронцова провёл первую «очень сложную хирургическую операцию»; от неё зависело, будет ли он «пользоваться доверием у местного населения»; «кроме того, – замечает Ванцетти, – всё аристократическое крымское общество проявляло повышенный интерес к данному случаю» [3, р. 23–24]. Состояние пациента было критическим, близким к смерти. Операция, проведённая Ванцетти, спасла ему жизнь. Этот «экзамен» (при всей его сложности и вполне возможном провале) Тит Ванцетти сдал на «отлично». При этом не забыл отдать должное своим помощникам, консультации которых высоко оценил: Шмидту, врачу алушкинской больницы, и Пругу, личному врачу М. С. Воронцова.

Проведя несколько операций в Алушке, он поспешил в **Симферополь**. По дороге любовался «живописными долинами Ялты и Массандры, оставив справа Никитский ботанический сад, а слева – очаровательное частное владение Артек и выступающую в море гору Аю-Даг» [3, р. 29]. На полдня остановился в Алуште, чтобы проконсультировать больных. За короткое время пребывания в Симферополе сделал 14 операций. Здесь Ванцетти познакомился с учёным-ботаником Христианом Христиановичем Стевенем (1781–1863), первым директором Никитского ботанического сада. У Стевена недалеко от Симферополя была дача (на которой он прожил много лет, до конца жизни). Видимо, именно там Ванцетти видел богатейшую коллекцию насекомых и гербарий, собранные Стевенем в Крыму и во многих других местах. От Христиана Христиановича наш врач узнал о недуге вдовы Петра Симона Палласа – Каролины Ивановны Паллас, также жившей близ Симферополя, и тут же бросился ей на помощь, проведя успешную операцию по удалению катаракты. В этот же день (15 октября) он позволил себе короткий отдых недалеко от Симферополя, в «прекрасном поместье Кильбурун» Николая Ивановича Перовского (1785–1858) [3, р. 35], в прошлом таврического губернатора (1822–1823 гг.). Здесь же состоялась приятная для него встреча с Николаем Александровичем Саблуковым (1776–1848), генералом в отставке, недавно прибывшим из Англии.

Следующий пункт – **Бахчисарай**. Здесь Ванцетти намеревался выступить в роли обычного путешественника (так как «город населён татарами, живущими по своим, сохранившимся с древних времён нравам и привычкам» [3, р. 37]), посетить ханский дворец, Успенский монастырь, Чуфут-Кале, Иосафатову долину – замечательные памятники крымского средневековья, описанные многими вояжёрами. Но... жаждущих

исцеления оказалось так много («дворцовые ворота и мост через речку Джурук-Су подверглись настоящей осаде со стороны больных» [3, р. 38]), что нашему врачу пришлось, что называется, не поднимая головы проводить одну операцию за другой. В день приезда, пишет Ванцетти, он провёл 22 глазные операции (в списке, помещённом в конце книги, их значится 20) [3, р. 58–59]. Местом его ночлега и приёма больных стал ханский дворец : «И вот под позолоченными сводами ханского дворца, под журчание свободно ниспадающих струй многочисленных фонтанов, под звуки зычного голоса муллы... передо мной, – рассказывает Ванцетти, – вереницей прошли незрячие татары и их многочисленные жёны... Даже караимы, живущие в пещерном Чуфут-Кале, до которых долетела молва о моём прибытии, спустились в город из своего расположенного высоко в горах *орлиного гнезда*»; «Я вдруг осознал, что... совсем неожиданно превратил дворец... в хирургическое отделение глазной больницы» [3, р. 38, 40].

«Бродить по покоям» дворца наш путешественник имел возможность лишь во время коротких перерывов между операциями. Его внимание в особенности привлёк фонтан (Сельсебиль), и он процитировал надпись на нём со ссылкой на «Путеводитель...» Ш. Монтандона [8; 9, с. 171].

В **Карасубазаре** (ныне Белогорск), где «проживают татары, греки и армяне», Ванцетти осуществил семь операций и был растроган «многочисленными выражениями признательности» и «слезами радости... армянских матерей» [3, р. 43]. Здесь ему особенно запомнился момент, когда он в сопровождении армянских священников обходил дома представителей армянской общины города, кого-то убеждая следовать его советам, кого-то – решиться на операцию. В Карасубазаре Ванцетти побывал ещё раз – через две недели после первого посещения города – ради того, чтобы проведать прооперированных больных.

Далее его путь лежал в **Феодосию**, где он произвёл 25 или 26 операций «в рамках помощи неимущим» [3, р. 47, 60, 61]. Здесь пришлось задержаться на две недели из-за большого наплыва пациентов, приходилось также посещать на дому тех, кто не мог по состоянию здоровья самостоятельно прийти к врачу; «... всё это, – пишет Ванцетти, – не давало мне ни минуты покоя и ослабляло моё здоровье. Кроме того, меня ещё посещали жители соседних немецких колоний и Судакской долины» [3, р. 47]. Среди его пациентов – «полуголодный восьмилетний цыганёнок» в «самых настоящих лохмотьях» и нищий старик-татарин, попрошайничавший в городе [3, р. 48]. Им обоим он вернул зрение.

По-видимому, Ванцетти намеревался отправиться в Одессу из Феодосии, но так как пароход прибывал только через пять дней, он решил провести их в Керчи.

Осмотрев **Керчь**, Тит Ванцетти отметил, что за небольшой отрезок времени город «достиг осязуемого прогресса» [3, р. 53]. Здесь любознательному путешественнику очень повезло : он имел возможность увидеть раскопки курганов античного времени, «которые в большом количестве встречаются в Восточном Крыму», приносят «очень ценные артефакты» и являются «предметом яростных споров среди археологов» [3, р. 14]. (Летом и осенью 1835 г. раскопки керченских курганов производились Д. В. Карейшей [см., например : 17, с. 656 (имен. указ.); 18, с. 562–564].) В связи с этим Ванцетти продемонстрировал некоторые знания по истории Крыма. С опо-

рой на свидетельства Страбона (VII, 4, 4; XI, 2, 5, 6) он перечислил античные города Восточного Крыма, входившие в состав Боспорского царства : Феодосию, Киммерик, Пантикапей, Нимфей, Акру, Мирмекий, Порфмий; назвал двух боспорских правителей из династии Спартокидов (Левкона и Сатира), царя Понтийского царства Митридата VI Евпатора, представителей варварского мира в Крыму : киммерийцев, скифов, тавро-скифов; не забыл упомянуть и жителей малоазийского Милета, основавшего большинство колоний в Северном Причерноморье. Очень вероятно, что раскопки боспорских курганов ему демонстрировал керченский градоначальник З. С. Херхелидзе. Он же мог порекомендовать гостю города осмотреть сравнительно недавно открывшийся (в 1826 г.) Музей древностей, что делали все бывавшие в Керчи путешественники.

В Одессу Тит Ванцетти отплыл на корабле из Ялты вместе с М. С. Воронцовым и его семьёй, сожалея о том, что уже вряд ли вернётся в Крым.

Возвращение в Крым

Но, кажется, ему довелось ещё раз увидеть крымские берега. Об этом мы узнаём из книги Николая Сергеевича Всеволожского (1772–1857), военного в отставке, романтика, совершившего большое путешествие из Москвы через Южную Россию, включая Крым и Одессу, в Малую Азию, Северную Африку, Италию и Францию в 1836–1837 гг. [19]. В Крым он прибыл в апреле 1836 г. и покинул его в мае того же года. Его путь лежал от Перекопа через Симферополь к южному берегу, где дольше всего он оставался в Кореизе, в имении своей родной сестры – княгини Анны Сергеевны Голицыной (урожд. Всеволожской; 1779–1838). В доме гостеприимной хозяйки бывало немало гостей, в нём останавливались знатные путешественники. Здесь Николай Сергеевич и познакомился с Титом Ванцетти, которому дал весьма лестную характеристику : «Живя у сестры, я познакомился с доктором и оператором г<оспудино>м Ванцети, он, кажется, родом из Падуи. К необыкновенному искусству оператора, особенно глазного, г<осподин> Ванцети присоединяет обширные сведения по всем частям медицины. Он любезен и очень приятен в обхождении, молод и хорош собою, я советовал ему и даже уговаривал его переехать в Москву для глазных болезней, он нашёл бы для себя много занятий. Не знаю, послушает ли он меня» [19, с. 78–79]. (Но, как известно, Ванцетти вскоре отправился в Харьков, где продолжал повышать свою квалификацию и работать.)

А в начале мая 1836 г. Всеволожский и Ванцетти отправились морем из Ялты в Одессу. Вот что по этому поводу пишет Николай Сергеевич : «... пароход наш называется “Пётр Великий”. Он построен прекрасно. Капитан наш, Михайло Парфентьевич Захаров, – человек вежливый и приятный в обращении. Я с удовольствием узнал, что в числе пассажиров находится дама : это была вдовствующая супруга бывшего губернатора Тавриды, Нарышкина, урождённая графиня Раstopчина. Тут же были : г<осподин> Кёппен., г<осподин> Войцехович., человек образованный, с которым мне очень приятно было беседовать во всё время нашего плаванья, наконец доктор Ванцети, о котором я говорил» [19, с. 83–84].

Попутчиками Всеволожского и Ванцетти были интересные и приятные люди : графиня Наталья Фёдоровна Нарышкина (урожд. Ростопчина; 1797–1866) – вдова Дмитрия Васильевича Нарышкина, гражданского губернатора Таврической губернии в 1823–1829 гг.; Пётр Иванович Кёппен (1793–1864) – академик Санкт-Петербургской Академии наук, автор научных трудов о Крыме; Алексей Иванович Войцехович (ум. в 1881 г.) – чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода, с 1836 г. – директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода. С этими людьми было о чём беседовать. Наверняка речь шла о Крыме – стороне, всех их интересовавшей и им знакомой. Особенно приятным было общение с Кёппеном, уже в это время был почти, если не полностью, готов к публикации его «Крымский сборник» – первоклассный для своего времени и до сих пор не утративший своего значения для науки труд с описанием историко-архитектурных памятников полуострова [20]. Не исключено, что с Кёппеном Ванцетти познакомился раньше, во время своих поездок по Крыму. А в Одессе он мог продолжить знакомство со всеми этими людьми.

Память о Крыме оказалась крепкой, и Тит Ванцетти (то ли ещё находясь в Харькове, то ли уже по прибытии в Италию) подписался на «Исторический и художественный альбом Тавриды», который с 1853 г. на протяжении нескольких лет издавали заведующий Феодосийским музеем древностей Евгений Францевич де Вильнёв и феодосийский художник Викентий Осипович Руссен. В списке «попечителей» альбома, составленном Вильнёвым в мае 1853 г., значится «доктор Ванцетти, профессор университета» [21; 22, с. 65].

* * *

Перевод книги Тита Ванцетти с французского языка на русский осуществлён Геннадием Игоревичем Беднарчиком, уже известным своими переводами сочинений французских путешественников, посетивших Крым в XIX столетии [23]. Консультант по медицинской терминологии – врач-невролог Наталья Валентиновна Беднарчик.

ТИТ ВАНЦЕТТИ.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ, ПРЕДПРИНЯТОЕ ОСЕНЬЮ 1835 года

(*Vanzetti Titus. Excursionen Crimée faite dans l'automne de l'année 1835.*

Odessa : A l'imprimerie de la ville, 1836. 63 p.)

(перевод с французского Г. И. Беднарчика; комментарии Э. Б. Петровой)

*... эти заметки помогли мне вновь
погрузиться в воспоминания, связанные со
всеми интересными случаями из моей практики.*

Мемуары доктора Харисона

Его Превосходительству графу Воронцову,
главному адъютанту Его Императорского Величества, пехотному генералу,

члену Императорского Совета, губернатору Новороссии и Бессарабии, полному кавалеру орденов России, кавалеру орденов ряда иностранных государств и т. д., и т. д.

Господин граф!

Отношение, которое правительство Тавриды направило Вашему Превосходительству по поводу моей врачебной поездки к жителям Крыма, а также лестные отзывы о моей врачебной практике на полуострове, которые я прочёл в газетах, сподвигли меня нижайше просить Ваше Превосходительство принять отчёт о моей работе, проделанной с исключительно благотворительной целью медицинской помощи населению Крыма, о благосостоянии которого Вы постоянно по-отечески печётесь.

Имею честь выразить Вашему Превосходительству моё глубокое почтение!

*Всепокорнейший слуга Вашего Превосходительства
Тит Ванцетти*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это историческое изложение моей врачебной поездки в Крым, рассказывающее о 76 медицинских операциях, проведённых в этом крае, не содержит ничего страшного и пугающего, ничего подобного тем хирургическим описаниям, которые леденят душу людям, далёким от медицины.

Лишённый сурового врачебного аспекта, данный труд предназначен для широкой публики, и писал я его в редкие моменты отдыха, вспоминая о трогательных и приятных моментах моей поездки.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СТАВШИЕ ПРИЧИНОЙ МОИХ ПОЕЗДОК В РАЗНЫЕ МЕСТА ПОЛУОСТРОВА, И МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ, КОТОРЫЕ Я ТАМ ПРОВЁЛ

На исходе лета я прибыл по Чёрному морю к южному берегу древнего Херсонеса Таврического¹, сегодняшнего Крыма. Ясность неба, едва покрытого облаками, и яркое солнце, оживляющее чудесную природу, мне живо напомнили землю и климат Италии, моей родины, где я не был уже много лет.

Очарованный крымским пейзажем, воспетым знаменитым путешественником Палласом², я поспешил воспользоваться приглашением господина графа Воронцова, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, принять участие в его посещении большей части территории полуострова – от Чёрного моря до Киммерийского Боспора³, от южной оконечности Крыма до Азовского моря.

¹ Так античные авторы называли Крымский полуостров.

² Прим. Т. Ванцетти: Паллас. Физическое описание Тавриды. [См.: 5; 6; 7.]

³ Так античные авторы называли Керченский пролив.

Именно тогда, пересекая верхом на лошади крымские горы, оканчивающиеся в окрестностях Феодосии, рядом с деревней Оттузы¹, я вместе с Палласом² посетил³ «эти долины с анатолийским климатом Малой Азии, где зима почти совсем не ощущается и где в январе и феврале растут примула и весенний шафран...», те долины, «где вечнозеленый лавр соседствует с оливой и гранатом...; где свободно произрастают ясень, скипидарное дерево, сумах, мошник, ладанник шалфейный и плодовая земляника из Малой Азии...; где орех и все фруктовые деревья часто растут в лесу, который, если так можно выразиться, является настоящим природным садом...; и где, наконец, дикий и садовый виноград, взобравшись на самые высокие деревья, ниспадают вниз, чтобы затем вновь поползти вверх и совместно с расцветающей бековиной создать прекрасные естественные гирлянды и беседки...». Там же я восхищался «красивым хаосом высоких гор и огромных обрушившихся скал...; струящимися со всех сторон источниками и водопадами, которые в сочетании с гладью моря делают эти долины настолько живописными, насколько самый экзальтированный поэтический гений может только себе представить и описать...». Я соприкоснулся «с простой жизнью татарских горцев, обитающих в этих волшебных долинах...». Я ночевал «в их земляных хижинах, частью которых являются сами скалы. Эти хижины расположены на склонах гор и утопают в густой зелени окружающих садов...». Я следовал взглядом «за стадами козочек и барашек, пасущихся на одиноких соседних скалах»; я наслаждался «звуками пастушьей свирели, эхом отражающимися от этих скал», и повторял вслед за знаменитым академиком (Палласом. – Г. Б.), что «всё здесь говорит об исключительной красоте природы, всё здесь создано для того, чтобы человек полюбил сельский уединённый уклад жизни».

Такой богатый природными дарами край, без сомнения, должен был привлечь внимание человека и побудить его обрабатывать эту плодороднейшую землю, надеясь получить взамен обильный урожай. Однако ещё всего несколько лет назад, во времена путешествия академика Палласа, всё здесь было заброшено, и только гений нынешнего руководителя этой территории (М. С. Воронцова. – Г. Б.) по-настоящему раскрыл все богатства данного края: он насадил здесь культуру ведения сельского хозяйства, построил дороги, а также устранил все препятствия на пути промышленного развития Крыма и создания ещё одного бесценного источника обогащения империи и её населения. Именно этот человек стоит у истоков рождения новой эры в истории полуострова.

Сегодня гости Крыма восхищаются не только природной красотой этого места, но и достижениями населения полуострова в области сельского хозяйства, строительства и архитектуры. Каждый клочок земли и даже холмы превращены в ухоженные виноградники, оливковые рощи и фруктовые сады. В горах и среди скал проведены надёж-

¹ Отузы; ныне пгт Щебетовка (Феод.).

² С книгой П. С. Палласа.

³ Далее следуют цитаты (не всегда точные) из сочинения П. С. Палласа «Краткое физическое и топографическое описание Тавриды». [См. иной перевод на русский язык этих цитат: 7, с. 55–57].

ные и удобные дороги. Всё побережье усеяно симпатичными строениями, дачами и сельскими домиками. Маленький южный порт Ялта становится богатым российским курортным городом¹. В деревне Алупка на берегу моря, у подножия величественной горы Ай-Петри, между Криуметопоном² и Партенитом строится великолепный дворец из гранита с богатой коллекцией древнеримских произведений искусства (Воронцовский дворец. – Г. Б.). Это здание уже само по себе привлечёт сюда огромное количество посетителей, которые ранее ограничивались посещением только лишь расположенных по соседству развалин упомянутого в «Илиаде» знаменитого храма Дианы, где в дар богине приносились в жертву люди, потерпевшие кораблекрушение у этих крымских берегов³.

¹ В ту пору Ялта была небольшим поселением, но её роль в торговле крымского Южнобережья становилась всё заметнее. В сентябре 1837 г. Ялту посетил Николай I, и это событие стало для неё судьбоносным: по велению императора посёлок стал уездным городом. Указ «Об утверждении в Таврической губернии нового уезда под названием “Ялтинского“» был подписан императором 23 марта (по ст. ст.) 1838 г. С этого времени город стал расти, богатеть – и за счёт торговли, и благодаря многочисленным посетителям, в том числе путешественникам.

² Криуметопоном античные авторы называли мыс, считавшийся крайней южной точкой Крыма. Мы не можем наверняка сказать, какой именно мыс подразумевался древними – мыс Сарыч или мыс Ай-Тодор (не исключено, что и гора Аю-Даг). Тем, кто плыл из Херсонеса в Феодосию, наиболее выдающимся в море казался мыс Сарыч, для тех, кто плыл в обратном направлении, таковым был мыс Ай-Тодор; Страбон, на которого неоднократно ссылается Ванцетти, по-видимому, имел в виду мыс Сарыч [см. : 14, с. 39–42; 15, с. 113–114; 16, с. 213]. И сам Ванцетти так полагал, ведь Алупка действительно находится между мысом Сарыч и Партенитом (Ай-Тодор не подходит по своему географическому положению). Но это большая часть Южнобережья. Местоположение Алупки наш путешественник обозначил весьма расплывчато («между Криуметопоном и Партенитом»).

³ Скорее всего, Т. Ванцетти имел в виду драму «Ифигения в Тавриде» афинского драматурга V в. до н. э. Еврипида, в которой представлен храм древнегреческой богини Артемиды (древнеримской Дианы), якобы принадлежавший таврам (в «Илиаде» ничего подобного нет). По мифу, в этом храме служила жрицей спасённая Артемидой от гибели Ифигения, дочь микенского царя Агамемнона, предводителя греков-ахейцев в походе на Трои, и его супруги Клитемнестры. И другие авторы античного времени упоминали этот храм. Страбон (VII, 4, 2) говорил, что в 100 стадиях (18,5 км) от Херсонеса (руины которого ныне находятся на территории Севастополя) есть мыс Парфений, то есть «девичий». Географ II в. н. э. Клавдий Птолемей (III, 6, 2) расстояние между Херсонесом и мысом Парфений определял в 16,6 км (в переводе на современные меры длины). На мысе «Девичий», по-видимому, и мог находиться херсонесский (но только не таврский) храм Девы-Артемиды. Время его сооружения гораздо более позднее, чем то, которое обозначено в мифе (накануне Троянской войны). Поиски остатков этого храма пока ни к чему не привели. А местонахождение мыса Парфений дискутируется в науке : его отождествляют и с Херсонесским мысом (что на Маячном полуострове, крайняя юго-западная точка Крыма), и с мысом в районе Мраморной балки, но чаще – с мысом Фиолент. Всё это недалеко от античного Херсонеса. Впрочем, некоторые авторы полагали, что остатки храма Артемиды следует искать на горе Аю-Даг, ведь тавры жили в Горном Крыму, а гора Аю-Даг якобы подходит для того, чтобы с неё сбрасывать чужеземцев. Вслед за ними и Ванцетти связывал храм Артемиды-Дианы с Южнобережьем.

Достигнув конца Крымской гряды и попав на равнину, тянущуюся до самого Боспора Киммерийского, иностранец с большим удивлением может встретить на дороге высоких двугорбых верблюдов и погонщиков-татар, сильно отличающихся и внешним видом, и одеждой от горных татар, а также услышать резкие, заунывные стоны этих животных, кричащих от боли, когда тех заставляют встать на колени, чтобы разместить на их спине поклажу.

Это наводит на размышления о древних временах <...>.

Античная Феодосия, которая, по мнению Страбона, стояла на границе между владениями тавров и Боспорским царством¹; остатки древних сооружений; Пантикапей, столица Боспорского государства (сегодняшняя Керчь); курганы, которые в большом количестве встречаются в Восточном Крыму, их раскопки, свидетелем которых был ваш покорный слуга, приносящие очень ценные артефакты, являющиеся предметом яростных споров среди археологов; остатки Нимфея, Киммерика, Акры, руины Мирмекия и Порфмия²; Понт Эвксинский³, с одной стороны, и Меотида⁴ – с другой, а также примыкающий к ним Боспор Киммерийский – вот что сейчас пронеслось в моей памяти благодаря Страбону, так хорошо описавшему те времена и жизнь Левкона, Сатира, Митридата Евпатора, скифов, тавро-скифов, киммерийцев и милетян, древних обитателей этого края⁵.

Но каким бы ни был мой интерес к окружающей меня природе и мыслям, связанным с этим, я никогда не забывал о медицинском аспекте моего путешествия. Прежде всего, в Алушке мне представился случай осмотреть небольшую, очень ухоженную больницу, расположенную на берегу моря, рядом с постом Арнаутского⁶ полка. Эта больница построена графом Воронцовым, и ею умело руководит опытный доктор Шмидт, который любезно ознакомил меня с эндемической ситуацией в Алушке и её окрестностях. Затем недалеко от Никитского ботанического сада, в деревеньке Ай-Даниль, я посетил ещё одну больницу, также принадлежащую графу Воронцову,

¹ Страбон, VII, 4, 4. Имеется в виду то время, когда Феодосия ещё не вошла в состав Боспорского царства, что произошло, по-видимому, в конце 80-х – середине 70-х гг. IV в. до н. э.

² Города на европейской стороне Керченского пролива.

³ Так древние греки называли Чёрное море.

⁴ Так древние греки называли Азовское море.

⁵ Милетяне – жители древнегреческого города Милета, что на юго-западном побережье Малой Азии, основавшие большинство колоний в Северном Причерноморье (в том числе в Крыму) в конце VII–VI в. до н. э. Левкон и Сатир – правители Боспорского царства (возникшего, как принято считать, около 480 г. до н. э. в результате объединения городов, основанных греками по берегам Керченского пролива) из династии Спартокидов. Митридат VI Евпатор – правитель Понтийского царства в 120–63 гг. до н. э., распространивший свою власть на всё Причерноморье, включая Крым. Киммерийцы – древнейшие жители Северного Причерноморья, известные нам по литературной традиции и археологическим материалам. Племена тавров задолго до прихода греков занимали южную часть Крыма, его горную и предгорную области. Скифы появились в Северном Причерноморье в начале VII в. до н. э. Постепенно шёл процесс ассимиляции тавров скифами, отсюда и появившееся со временем в античных письменных источниках наименование местных варваров тавро-скифами или скифо-таврами.

⁶ Греческого.

которая, как и предыдущая, тоже имеет свою аптеку и полный набор хирургических инструментов.

Эти частные заведения, ранее абсолютно бесполезные, сегодня, судя по тому, что я видел собственными глазами, являются настоящим спасением для местного населения, страдающего различными недугами : новая жизнь полуострова позвала сюда бесчисленное количество мастеровых со всех уголков России и других стран. Эти люди, подверженные частым происшествиям, случающимся на стройках, а также различным заболеваниям, связанным с тяжёлыми условиями их жизни, могут получить квалифицированную медицинскую помощь только в таких заведениях, созданных крымскими филантропами <...>.

В ходе беседы с начальником медицинской службы Крыма доктором Лангом¹, состоявшейся в деревне Оттузы, я получил много важной информации о грязевых ваннах в городе Саки, а также о ваннах вблизи Перекопа и Арабатской стрелки. Упомянутые ванны являются исключительно эффективным средством лечения ревматических заболеваний и паралича конечностей. В связи с этим правительство в лице графа Воронцова решило уделить повышенное внимание данной проблеме, построив рядом с грязевыми источниками специализированные лечебницы.

В Феодосии доктор Граперон² рассказал мне о состоянии городской медицинской службы. Будучи в Керчи и посетив недавно созданный там карантинный пост, я убедился в том, что меры, предпринятые таврической администрацией с целью обязательного прохождения карантина всеми судами, прибывающими в Керчь для дальнейшего плавания по Азовскому морю, резко уменьшили вероятность распространения чумы на территории Российской империи.

Эта экскурсия на юг и восток полуострова, а также моя дальнейшая четырёхмесячная поездка туда с врачебной миссией убедили меня в мягкости крымского климата.

В то время как во многих других областях России резкие колебания температур сильно вредят здоровью людей, Крым, напротив, считается одним из самых благоприятных мест империи, где население может в большой степени укрепить своё здоровье. Это место посещают больные из самых удалённых уголков России, особенно

¹ Пётр Иванович Ланг (Ланге; 1779–1863) – доктор медицины; родом из Австро-Венгрии, выпускник Венского университета; с 1807 г. жил и работал в Крыму, с 1810 г. – в должности инспектора Таврической врачебной управы в Симферополе [17, с. 161]. О нём упоминали и другие путешественники, например, англичанин Дж. Уэбстер познакомился с ним и его супругой осенью 1827 г. в имении графа Густава Олизара, что в районе Гурзуфа [24, с. 56, 121].

² Доктор медицины француз Жан (Иван Иванович) Граперон (1774–1848) прибыл в Россию в 1809 г. по рекомендации российского посла во Франции князя А. Б. Куракина. Узнав о начавшейся в Крыму эпидемии чумы, Граперон в мае 1810 г. переезжает из Санкт-Петербурга в Феодосию и до конца жизни служит в Феодосийском центральном карантине. М. С. Воронцов, высоко ценивший профессиональный уровень Граперона, привлёк его к борьбе с эпидемическими заболеваниями не только в Крыму, но и на всём юге России. Первостепенной была его роль в борьбе с эпидемией чумы, в 1812 г. охватившей значительную часть Новороссии, включая Крым. Помимо того И. И. Граперон с 1818 г. и до самой смерти был заведующим Феодосийского музея древностей. [См. о нём: 25; 26.]

после того, как они уже отчаялись получить действенную помощь от лечащих их докторов <...>.

Я лично знал многих господ, которым было показано проживать только в Крыму, и когда они на время покидали полуостров, у них сразу же возникали проблемы со здоровьем.

Никогда не забуду удивительный случай выздоровления одной дамы в расцвете лет, которая сильно страдала от своей болезни. Врачи посоветовали ей съездить на лечение в Крым. И вот через несколько месяцев её пребывания в Гаспре болезнь отступила, а на щеках женщины впервые за долгие годы недуга проступил румянец. После я часто встречал эту красавицу, бесстрашно прогуливающуюся в горах верхом на лошади.

Болезнь, которая в нозологии именуется крымской лихорадкой (*Morbus Crimensis*) и о которой мы поговорим позже, судя по всему, находится на пути к полному исчезновению. Во время своих поездок я слышал о ней только один раз от господина Пеккарского, керченского врача, вместе с которым мы наблюдали единственный случай данного кожного заболевания.

Если в этот край придёт цивилизация и редкие случаи перемежающейся лихорадки, связанной с нежеланием сельского населения отвести стоячие воды, канут в прошлое, то для медиков здесь сразу же убавится работы <...>.

Но больше всего меня поразило огромное количество глазных болезней и случаев полной потери зрения, которые во время своего первого посещения Крыма я наблюдал в основном в сельской местности. Размышляя о причинах этих заболеваний, я пришёл к выводу, что они не являются какой-либо местной, специфической офтальмией, а в большей степени связаны с оспенным глазным воспалением. Чаще всего эти случаи встречаются у местного населения, отвергающего вакцинацию и безразлично относящегося к своему здоровью. Определённую роль в этом также играют фатализм, вытекающий из религиозных догм, и слепая вера в исцеляющее могущество различного рода старух, как бы единственно посвящённых в таинства природы.

Помутнение роговицы глаза, частичное или полное слипание радужной оболочки глаза, стафиломы и другие следствия запущенных офтальмий, энтропии, катаракты и иные патологические формы, требующие оперативного вмешательства, – всё это настолько часто наблюдается среди крымского населения, что я счёл необходимым для себя, как глазного хирурга, обязательно вернуться сюда и помочь страдающим больным воспользоваться всеми достижениями глазной хирургии. Имея богатый опыт в этой области, воодушевлённый мыслью о том, что огромное количество потерявших зрение людей благодаря моим операциям сможет вновь увидеть свет, на что они уже перестали надеяться, я задумал совершить врачебную поездку в самые густонаселённые районы полуострова.

Несмотря на все трудности, с которыми я мог бы столкнуться, проводя сложнейшие операции среди татар, греков, армян и других народностей Крыма, язык, нравы и религии которых мне чужды, что требовало постоянного присутствия переводчика в операционной, я, вооружившись своими инструментами и полный непоколебимой

решимости не пожалеть ни времени, ни сил для достижения своих гуманных целей, 26 сентября отправился в рабочую поездку по полуострову.

До этого в качестве врача Его Превосходительства генерала Льва Нарышкина и его семейства я провёл два чудесных месяца на Южном берегу Крыма¹. Воспоминания о Мисхоре и Алушке, о встречах с элитным аристократическим обществом, графом Воронцовым, генералом Нарышкиным и знаменитыми путешественниками на фоне прекрасной природы в волшебных покоях двух резиденций надолго останутся в моём сердце.

По возвращении назад, где-то в середине ноября, я насчитал в своём дневнике 76 основных операций, не включая мелких. Исключая одну ампутацию, два камнесечения, литотрипсию мочевыводящих путей и несколько удалений опухолей, все остальные операции были проведены в области глазной хирургии. Главным образом речь шла об удалении катаракты и различных инородных предметов, трихиазах, а также об искусственном зрачке.

В связи с тем, что для этой поездки по пяти городам Крыма я выделил всего лишь два месяца, передо мной сразу же встала необходимость решения ряда проблем, которые могли затормозить мою работу. И вот как я их решил: что касается дефицита времени, то я принял решение перемещаться из города в город по ночам, таким образом у меня оставался целый день для приёма пациентов; местным властям я поручил заранее оповещать всех больных, включая проживающих в отдалённых уголках полуострова, о времени и месте моих приёмов; также со своей стороны я объявил денежное вознаграждение тем, кто приведёт ко мне самое большое количество незрячих.

Но оставалась ещё одна проблема, которая сама по себе могла парализовать все мои усилия. Речь идёт о послеоперационном уходе за больными, чаще всего принадлежащими к классу неимущих и поэтому не имеющими средств на лечение, что могло перечеркнуть все положительные результаты моих операций. В связи с этим я лично оказывал материальную помощь моим пациентам, а в особо сложных случаях просил своих коллег на местах позаботиться об этих больных.

Хочу воспользоваться случаем, чтобы выразить свою горячую признательность Его Превосходительству губернатору Тавриды господину Казначееву², керченскому градоначальнику князю Херхеулидзеву³, властям других городов полуострова, врачам Крыма за их достойную всяческих похвал помощь, оказанную мне в этом бла-

¹ Лев Александрович Нарышкин (1785–1846) – генерал-лейтенант, двоюродный брат графа М. С. Воронцова. Его супруга – Ольга Станиславовна Нарышкина (урожд. Потоцкая; 1802–1861). У Нарышкиных было прекрасное поместье в Мисхоре.

² Александр Иванович Казначеев (1788–1880) – адъютант фельдмаршала М. И. Кутузова; в отставку вышел в чине полковника. С 1823 по 1828 г. состоял управляющим канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова в Одессе; в 1828–1829 гг. занимал должность феодосийского градоначальника; в 1829–1837 гг. – таврического гражданского губернатора.

³ Захар (Захарий) Семёнович Херхеулидзе (Херхеулидзе; 1797(8)–1856) – князь, генерал-майор (с 1844 г.); в 1823–1832 гг. – адъютант новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова в Одессе; в 1833–1850 гг. – керчь-еникальский градоначальник.

городном деле. Никогда не забуду, как я, иностранец, был удостоен их дружбы и как они всеми силами поддерживали меня. Именно благодаря этой помощи, надеюсь, мне удалось предоставить возможность населению Крыма воспользоваться достижениями глазной хирургии.

После проделанных мною операций я с большим удовлетворением констатировал тот факт, что смог облегчить страдания многих больных, иногда останавливая ход течения их болезни, которая могла бы привести к полной потере зрения, иногда возвращая способность видеть тем несчастным, которые потеряли зрение более десяти лет назад, а иногда просто спасая жизнь тем, кто без оперативного вмешательства давно бы уже расстался с ней.

Теперь я бы хотел подробнее остановиться на результатах моей врачебной деятельности в Крыму.

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Свою врачебную деятельность на полуострове я начал с очень сложной хирургической операции. И если положительный исход оперативного вмешательства независимо от личности пациента имеет для хирурга очень важное значение, то я должен признаться, что именно тогда от результата этой самой первой операции, проведённой в больнице графа Воронцова, зависело, буду ли я пользоваться доверием у местного населения. Кроме того, всё аристократическое крымское общество проявляло повышенный интерес к данному случаю.

Русский рабочий Иван Осипович Медведев, пятидесяти лет от роду, обратился за медицинской помощью в алушкинскую больницу. Доктор Шмидт попросил меня осмотреть больного. У пациента был обнаружен запущенный артроз нижней части ноги, сопровождавшийся некрозом костей стопы и трети внешней поверхности большой и малой берцовых костей, что привело к сухой гангрене всей правой ноги до уровня чуть выше среднего. У себя дома больной часто посыпал порошок из табачных листьев часть правой ноги, поражённую гангреной, а также обширные язвы, покрывавшие левую ногу. Это не принесло ему никакого облегчения и только привлекло бесчисленное количество отвратительных насекомых. Состояние крайней слабости больного, его бледное лицо землистого цвета, обезображенное разрушением левого глаза, его едва слышимый голос и полное безразличие к своей участи, часто возникающее у тяжелобольных, – всё это предвещало скорую кончину пациента.

Будучи убеждённым в том, что бездействие с моей стороны может привести к смерти больного, и полностью полагаясь на практику, когда удаление патогенных очагов человеческого тела часто приводит к положительным результатам, я, несмотря на сомнения в том, что больной выдержит ампутацию поражённой части правой ноги, всё же произвёл эту операцию.

Мнения личного врача генерал-губернатора доктора Прута, а также моего коллеги доктора Шмидта, благодаря которым я смог осуществить ампутацию, полностью совпало с моим мнением. Так же, как и я, они полагали, что лучше попытаться что-либо сделать, чем не делать ничего.

К сожалению, после операции возникли осложнения, которые и при лучших условиях ампутации могли бы привести к смерти пациента. Отсутствие реакции на внешние раздражители, которая обычно должна иметь место в данном случае, гангрена, распространившаяся на образовавшуюся рану, резкий подъём температуры на десятый день после операции, наконец, пневмония, сопровождавшаяся сильным кашлем, и бессонница – вот то, что угрожало жизни больного. И всё же, то ли благодаря моим заботам, то ли из-за большого резерва своего организма пациент пошёл на поправку и был выписан из больницы спустя сорок дней после ампутации. Чуть позже, уже окончательно поправившись, он даже смог совершить поездку на свою родину, в город Москву.

Ещё в детстве у восемнадцатилетнего парня, одного знакомого господина Нарышкина, на пальцах руки незаметно начали расти мозговидные хрящевые наросты, один – на дорсальной части первой фаланги безымянного пальца правой руки, другой – на внешней стороне мизинца той же руки. Когда эти наросты достигли размера яйца, они начали причинять юноше большие неудобства. Изолировав наросты продольным разрезом от кожного покрова, я, используя тончайшую пилу, провёл их резекцию, сохраняя при этом разгибательное сухожилие и латеральные нервы. Обрывки кожи придерживались с помощью лентовидных повязок, пропитанных мазью из воска и масла, в результате чего произошло соединение тканей. Таким образом пальцы юноши стали свободно двигаться, и уже через месяц мой клиент смог пользоваться своей рукой.

Чуть позже совместно с известным хирургом Андриевским, учеником великого Грефе¹, я вновь прооперировал этого парня по поводу восстановления левой части его верхней губы, пострадавшей в результате случайного удара по ней копытом лошади. Операция прошла успешно, и я был счастлив тому, что смог помочь юноше избавиться от уродливого дефекта.

У Николая Ружебьё, француза-винодела, находящегося на службе у генерала Шитилова, вот уже три года как на правой стороне шеи была кистообразная опухоль размером в полкулака, и, хотя она его очень беспокоила, он всё никак не решался на операцию. И вот, возможно, поддавшись на мои уговоры или по причине предстоящей свадьбы, Николай наконец-то решился удалить эту опухоль. На операции присутствовал доктор Прут. Восемь дней спустя господин Ружебьё смог вернуться к своим виноградникам.

Разрез двух фистульных синусов в области промежности одного мальчика и две онкотомии, первая – в области спины у одного рабочего, а вторая – на ладони ещё одного пациента, недостаточно серьёзны, чтобы тратить время на их описание. Кроме того, я спешу рассказать об операциях, выполненных в Симферополе.

¹ Карл Фердинанд фон Грефе (1787–1840) – немецкий хирург, офтальмолог, профессор хирургии и глазных болезней.

СИМФЕРОПОЛЬ. ТАТАРСКАЯ АК-МЕЧЕТЬ

Двое взрослых больных, проживающих в Симферополе и страдавших мочекаменной болезнью, а также официальные письма губернатора Тавриды господина Казначеева к властям городов, которые я собирался посетить, заставили меня, прежде всего, побывать в столице Крыма.

Проехав мимо живописных долин Ялты и Массандры, оставив справа Никитский ботанический сад, а слева – очаровательное частное владение Артек¹ и выступающую в море гору Аю-Даг, я на полдня остановился в деревеньке Алушта, чтобы осмотреть тех больных, которые изъявили желание получить мою консультацию. Ночью, покинув деревню, я отправился в Симферополь, куда и прибыл на следующее утро. Сразу же по прибытии я поспешил осмотреть двух моих пациентов. У одного из них диагностировал два крупных камня, засевших в мочеиспускательном канале, который в результате этого ощутимо расширился. Несмотря на мои уверения в том, что я смогу избавить больного от страданий благодаря литотрипсии, проведённой без помощи скальпеля, пациент, испугавшись самого слова «операция», отказался от хирургического вмешательства.

У второго больного – господина Смолина, страдавшего от мочекаменной болезни на протяжении вот уже пятнадцати месяцев и заранее предупреждённого о моём визите самим губернатором Казначеевым, – в результате моего исследования был обнаружен в мочеиспускательном канале камень размером в полдюйма, который при мочеиспускании причинял больному резкую боль. Эта боль часто сопровождала господина Смолина во время его ходьбы и сидения на стуле, в связи с чем он был вынужден почти постоянно лежать в кровати и предаваться меланхолическим размышлениям.

На следующий день после моего прибытия в Симферополь с помощью специальных щипцов, изготовленных в парижских мастерских господина Шарьёра², я провёл

¹ На рубеже 1824–1825 гг. граф Густав Генрих Атаназий Олизар (1798–1865) – польский поэт, публицист, мемуарист, общественный деятель – покупает у местных жителей понравившийся ему небольшой участок земли у подножия Аю-Дага (территория восточной части нынешнего пгт Гурзуф, Ялт.). Француз Ш. Монтандон пишет, что местные жители называли его имение «Артеком» (кр.-тат. «перепел»), а «умы романтические и сердца чувствительные» – «Кардиатриконом» [9, с. 125], что в переводе с греческого означает «лекарство сердца», «исцеление сердца». Между тем из мемуаров Олизара следует, что татарское наименование «Артек» предшествовало его «Кардиатрикону». Вскоре Олизар расширил своё поместье, прикупив соседние земли. Построил дом, заложил виноградник, высадил масличные деревья. Но уже в конце 1825 г. покинул Крым, а в начале 1830-х гг. земли имения «Артек» были распроданы по частям. Новыми владельцами стали: полковник Александр Михайлович Потёмкин и его жена Татьяна Борисовна (урожд. Голицына); Варвара Дмитриевна Казначеева (урожд. Волконская), супруга таврического гражданского губернатора А. И. Казначеева; генерал-майор князь Андрей Борисович Голицын; генерал-лейтенант Константин Маркович Полторацкий и его супруга Софья Борисовна (урожд. Голицына); директор Никитского ботанического сада Николай Андреевич фон Гартвис.

² Жозеф Фредерик Бенуа Шарьёр (Шаррьёр, Шаррьё; 1803–1876) – французский мастер по изготовлению медицинских инструментов.

больному литотрипсию. Мне удалось ухватить камень, к счастью, оказавшийся довольно рыхлым, и раскрошить его на три части, которые я и удалил одну за другой. Мне было очень приятно избавить больного от страданий всего за один сеанс. В результате на следующий день у пациента исчезли трудности в мочеиспускании, а также уретральное воспаление и постоянная лихорадка, выматывавшая его. Благополучный исход данной операции, настойчивые усилия губернатора Симферополя по извещению жителей города о моём прибытии, а также вознаграждение тем, кто приводил ко мне незрячих, – всё это способствовало резкому росту числа моих пациентов. В итоге за небольшой отрезок времени мне удалось провести в Симферополе тринадцать операций. За исключением уретральной литотрипсии и двух детских резекций некротической альвеолярной ткани коренных зубов, поражённых кариесом, все остальные операции были связаны с глазными болезнями. Речь шла о пяти катарактах, четырёх искусственных зрачках и двух трихиазах.

С помощью иридэктомии я прооперировал внутренний угол глаза у одного больного, которого мне привёл полковник Риман. Это была моя первая в Крыму операция, связанная с формированием искусственного зрачка, и, несмотря на мою склонность к коректомии, во всех остальных случаях я использовал иридодиализ.

Трихиазы были прооперированы мною по методу знаменитого Джагера¹, позволяющему с большой долей вероятности победить этот грозный недуг. Болезненная операция, оставляющая нетронутым хрящ века, позволяет последнему сохранить всю свою длину и форму <...>.

Что касается катаракты, то в четырёх случаях с помощью изогнутой иглы я провёл разрыв капсулы хрусталика и его дальнейшую реклинизацию.

Этот тип хирургического вмешательства довольно прост и не нуждается в каком-либо послеоперационном уходе. Хочу заметить, что во время своей поездки я всегда отдавал предпочтение реклинации, а не полному удалению катаракты, хотя последнее, без сомнения, является более надёжным способом излечения этой болезни. Ведь надо было учитывать тот факт, что многие мои неимущие пациенты не могли продолжать оставаться под врачебным наблюдением в клинике, а тяжёлые условия их существования в тех лачугах, где они проживали, могли привести к полной потере зрения у этих несчастных.

Доктор Радзивонский, известный окулист, с которым я имел удовольствие познакомиться в Польше, будучи в прекрасном замке графа Альфреда Потоцкого², и который успешно проводил операции над незрячими, проживавшими на графских землях, по-дружески поделился со мною ценными советами, коими позже я не преминул воспользоваться.

¹ Фридрих Джагер (фон Егер; 1784–1871) – австрийский офтальмолог; изобретатель инструмента для защиты глазного яблока и для фиксации вывернутого века в ходе операции (Егера шпатель, Егера пластина).

² Граф Альфред Войцех Потоцкий (1786–1862) – польский аристократ, представитель польского магнатского рода Потоцких, владелец многих имений, в том числе в Ланьцуте, где у него был роскошный замок с великолепным парком.

Во время поездки по Крыму только в пяти случаях я решился на полное удаление катаракты, не опасаясь последствий операции. С чувством глубокого удовлетворения вспоминаю о первом таком удалении, произведённом на левом глазу вдовы одного из самых знаменитых путешественников-натуралистов нашего века, часть своей жизни прожившего в Крыму. Господин Стевен¹, известный современный натуралист, выбравший Крымский полуостров местом своего проживания, во время моего осмотра его превосходной коллекции крымских растений и насекомых, сообщил мне о том, что в Симферополе ещё здравствует вдова академика Палласа². Произнесённое имя выдающегося учёного было для меня достаточным поводом для того, чтобы я посетил его вдову.

Пожилая женщина очень любезно приняла меня, и наша беседа, почти полностью посвящённая интересным эпизодам из личной жизни её супруга, постепенно подошла к теме глазной болезни вдовы великого исследователя. Оказалось, что у неё по причине капсулярной чечевицеобразной зрелой катаракты, возникшей в результате рожистого воспаления лица, левый глаз перестал видеть ещё шесть лет назад. Что касается правого глаза, то его острота зрения сильно ослабла из-за большой склонности больной к чтению. Я был приятно удивлён тем, что уже в ходе нашей первой беседы госпожа Паллас выразила желание решить свою проблему именно с моей помощью... И вот 15 октября я полностью удалил её катаракту. Надо отметить, что во время операции пожилая женщина показала пример большого мужества... Несколько мгновений спустя после хирургического вмешательства я провёл рукой перед её глазами; она сразу же схватила меня за локоть, чтобы доказать, что зрение вернулось к ней. К счастью, за этой операцией не последовало ничего такого, что могло бы огорчить врача; ни во время хирургического вмешательства, ни после него пациентка не почувствовала никакой боли, что, на самом деле, несколько огорчило меня. Ведь известно,

¹ Христиан Христианович Стевен (1781–1863) – учёный-ботаник, энтомолог, исследователь крымских растений, первый директор Никитского ботанического сада (1812–1827 гг.), организатор первого в России училища садоводов. В 1977 г. его мраморный бюст был установлен в Никитском ботаническом саду.

² В 1793–1794 гг. П. С. Паллас путешествовал по Крыму, изучал его. А с 1795 по 1810 г. он жил в Крыму с молодой женой Каролиной Ивановной. Супруги имели поместья в Судаке и недалеко от Симферополя, на левом берегу Салгира (ныне это территория Симферополя). Имение близ Симферополя академик назвал «Каролиновкой» в честь своей супруги. Дом академика стал своего рода культурным центром Крыма, где бывали учёные, художники, путешественники. В нём имелись богатая библиотека, разнообразные коллекции, произведения искусства. Паллас покинул Россию в 1810 г., уехав в Германию (где умер уже в следующем году), а его жена, жизнь с которой у академика не заладилась, осталась в Крыму, в своей усадьбе. В 1824 г. в связи со сложным материальным положением она продала «Каролиновку» Наталье Фёдоровне Нарышкиной (урожд. Ростопчиной; 1797–1866) – супруге Дмитрия Васильевича Нарышкина (1792–1831), гражданского губернатора Таврической губернии в 1823–1829 гг. Но Каролина Ивановна благодаря доброте новой хозяйки осталась в своём бывшем имении и жила в нём до самой смерти в 1839 г. Дом Палласа сохранился до нашего времени, он находится в парке «Салгирка», на территории Ботанического сада Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

что если сразу после операции больной начинает чувствовать себя очень хорошо, то он становится менее послушным в следовании строгим указаниям своего доктора, особенно это касается тех, кому назначен постельный режим, в результате любая неосторожность может перечеркнуть положительный результат такого сложного и деликатного хирургического вмешательства. Вот и в данном случае мне с большим трудом удалось убедить больную в необходимости в течение восьми дней оставаться в кровати, в полной темноте, не позволяя ей немедленно вернуться к её любимому занятию – чтению книг.

Остальную часть так удачно начавшегося дня я с удовольствием провёл у господина Перовского в его прекрасном поместье Кильбурун¹, где, сидя за столом в компании с прибывшим из Англии генералом Саблуковым², я получил от последнего в подарок отличное изделие английской мануфактуры, как память об одной медицинской операции, на которой господин генерал лично присутствовал <...>.

БАХЧИСАРАЙ

В большей степени из-за любопытства, чем по причине возможного врачевания, я решил провести в Бахчисарае два дня. Этот город является древней резиденцией крымских ханов. С тех времён сохранился большой ханский дворец, отреставрированный по приказу Его Величества императора Александра Первого.

В связи с тем, что город в основном населён татарами, живущими по своим, сохранившимся с древних времён нравам и привычкам, я полагал, что приехал сюда не для демонстрации новых достижений в области медицины, а в качестве обычного путешественника. Впрочем, за несколько дней до моего приезда городские власти по приказу таврического губернатора объявили через глашатая татарскому населению о прибытии человека, возвращающего зрение слепым и облегчающего страдания больным. Местом моего ночлега и приёма больных был определён ханский дворец.

¹ Николай Иванович Перовский (1785–1858) – таврический вице-губернатор в 1817–1820 гг., феодосийский градоначальник в 1820–1823 гг., таврический губернатор в 1822–1823 гг. У него были имения близ Симферополя (в том числе у деревни Кильбурун, ныне входящей в состав села Пионерское), под Севастополем и в районе Гаспры (Ялт.). О красоте местности, в которой располагались деревня Кильбурун и поместье Перовского, писал француз Ш. Монтандон в путеводителе по Крыму (1834 г.): «... здесь прекрасные рощи и дороги, изящно огибающие множество домов, удобно расположенных на холмах, меж которыми петляет Салгир. В этом имении есть также леса, поля, лужайки и самые прекрасные огороды, какие только существуют в Крыму. Великолепные пейзажи, открывающиеся из Кильбуруна, и вид самого местечка, особенно когда выезжаешь на Алуштинскую дорогу, представляют собой одну из самых пленительных картин» [9, с. 113].

² Николай Александрович Саблуков (1776–1848) – генерал-майор, часто бывавший в Англии и имевший репутацию англомана.

Приехав ночью, я намеревался на следующий день посетить сам дворец, город, Успенский монастырь, крепость Чуфут-Кале, Иосафатову долину¹, а также другие местные достопримечательности, однако, проснувшись утром, я сильно пожалел о том, что выделил на посещение этого города так мало времени : дворцовые ворота и мост через речку Джурук-Су² подверглись настоящей осаде со стороны больных, жаждавших исцеления.

И вот под позолоченными сводами ханского дворца, под журчание свободно ниспадающих струй многочисленных фонтанов, под звуки зычного голоса муллы, с высоты минарета призывавшего правоверных к молитве, передо мной вереницей прошли незрячие татары и их многочисленные жёны, полностью укутанные в белую ткань... Даже караимы, живущие в пещерном Чуфут-Кале, до которых долетела молва о моём прибытии, спустились в город из своего расположенного высоко в горах *орлиного гнезда*.

В этот день я провёл 22 глазные операции. Их могло быть ещё больше, если бы я отошёл от своего правила назначать операции только в самых экстренных и понятных случаях.

На следующий день, сложив инструменты в чемодан, я уже было покинул Бахчисарай, когда на выезде из города мне повстречался слепой старик с палкой, судя по всему, направлявшийся во дворец. Он, конечно, шёл ко мне на приём, и я не мог не остановиться и не помочь несчастному. Взяв его за руку, я повёл старика в ближайшее отделение полиции, где и прооперировал больному энтропион его глаз.

¹ Успенский монастырь находится в балке Майрам-Дере, близ Бахчисарая; он был основан, по-видимому, в иконоборческую эпоху, в VIII–X вв.; опустел после переселения крымских христиан в Северное Приазовье в 1778 г. и в таком состоянии оставался до 1850 г., когда здесь был открыт Успенский скит.

Чуфут-Кале – «пещерный город» на юго-восточной окраине Бахчисарая; расположен на мысовом плато – более 500 м над уровнем моря. Крепость возникла здесь, по-видимому, в конце VI–VII в. В 40-х гг. XIV в. её захватили татары и назвали Кырк-Ор (Кырк-Ёр, Кырк-Йер). В XV в. она стала резиденцией первых крымских ханов и таковой оставалась до начала XVI в. Здесь жили представители разных народов и конфессий – мусульмане, христиане, иудеи. Караимы появились в Кырк-Оре, по-видимому, в конце XIV в. В конце XVI – начале XVII в. татары покинули Кырк-Ор, в нём остались караимы и немного армян, а с середины XVII в. – только караимы; с этого времени город стал называться Чуфут-Кале («иудейская крепость»). В конце XVIII в. жители начали его покидать, переселяясь в другие места на полуострове, к середине XIX в. он почти опустел, а к началу XX в. стал необитаемым.

Иосафатова долина – караимское кладбище, расположенное в верховьях балки Марьям-Дере, в полукилometре от Чуфут-Кале. (Название «Иосафатова долина» дано по аналогии с кладбищем в окрестностях Иерусалима, почитающимся святым местом.) На территории кладбища сохранилось не менее пяти тысяч надгробий с высеченными на них религиозными текстами, формулами и символами; самая ранняя из надгробных надписей датируется приблизительно 60-ми гг. XIV в., наиболее поздние надписи – началом XX в.

² Чурук-Су (Чурук-Су; кр.-тат. «гнилая вода») – правый приток реки Качи. Бахчисарайский дворец – бывшая резиденция крымских ханов – находится на левом берегу реки Чурук-Су.

Только тот, кто знает, насколько напряжён мозг врача, ставящего диагноз в сложных и неясных случаях заболеваний, насколько тяжело ему проводить тонкие глазные операции, учитывая различные особенности организма каждого пациента в отдельности, только такой человек может понять, как сильно я устал за эти дни.

И всё же время от времени мне удавалось делать перерывы, и тогда я мог бродить по покоям этого удивительного дворца. В те редкие моменты отдыха я испытывал странные ощущения. Я вдруг осознал, что нахожусь очень далеко от Франции и совсем неожиданно превратил дворец, построенный ханом Адил-Сахаб-Гераем¹, в хирургическое отделение глазной больницы, оказывая медицинскую помощь потомкам подданных этого хана. И если удачно проведённые операции по удалению катаракты, а также хирургические вмешательства с целью создания искусственного зрачка произвели на татар неизгладимое впечатление, то я был бы вдвойне рад, если бы мои усилия убедили местное население продолжать обращаться к врачам каждый раз, когда это понадобится.

Я не собираюсь здесь приводить описание дворца хана Герая и проводить экскурсию по его дворикам, павильонам, мечетям и кладбищу, остановлюсь только на одной из многочисленных надписей, виденных мною в этом чудесном месте. Эта надпись украшает фонтан под названием Сельсебиль, расположенный в главном вестибюле дворца²:

«Слава Всевышнему! Лицо Бахчисарая опять улыбнулось. Милость великого Крым-Герая славно устроила! Неусыпными стараниями он напоил водой окрестности. И если будет на то воля Аллаха, сделает ещё много добрых дел. Он тонкостью ума нашёл воду и устроил прекрасный фонтан. Если кто хочет проверить, пусть придёт и посмотрит. Мы сами видели Дамаск и Багдад и не встретили там ничего похожего. Автор этих строк – Шейхий. Подобно мучимому жаждой, прочтём сквозь воду начертанное на фонтане: «Приди, напейся воды чистейшей из источника исцеляющего!» Год 1176» (1764 г. н. э.)³.

¹ Архитектурный комплекс резиденции правителей Крымского ханства – Бахчисарайский дворец (Хан-Сарай) – начал формироваться в 30-х гг. XVI в. при хане Сахиб-Герае I, правление которого приходится на 1532–1551 гг., и возводился на протяжении длительного времени. За время своего существования он претерпел немало ремонтов, перестроек, реставраций, которые заметно изменили его первоначальный облик. Бахчисарайский дворец был и остаётся притягательной для европейцев восточной экзотикой, и трудно найти среди вояжёров по Крыму того, кто не оставил бы его описание в своих путевых записках.

² Сельсебиль (райский источник, из которого, по верованию мусульман, пьют воду души праведников), или Фонтан слёз – замечательное творение работавшего при ханском дворе иранского мастера Омера, созданное в 1764 г. в память о рано ушедшей из жизни жены грозного и жестокого хана Крым-Герая, правившего в 1758–1764, 1768–1769 гг. Говорили, что у него нет сердца. Однако, как рассказывает легенда, к нему, уже немолодому, пришла любовь к молоденькой невольнице по имени Диляра. Жизнь в неволе оказалась для неё непосильной, и она рано умерла. Переполненный душевной болью хан заказал Омеру создать такой фонтан, чтобы камень плакал, как плачет его сердце. На фонтане – две надписи: верхняя – стихотворение поэта Шейхия, в котором восхваляется хан и его великолепное сооружение; нижняя – стих из Корана: «В раю праведные будут пить воду из источника, называемого Сельсебиль».

³ Ванцетти ссылается на путеводитель Ш. Монандона. [См.: 8; 9, с. 171.]

КАРАСУ-БАЗАР¹

О моём прибытии в этот город местному населению, так же как и в предыдущих случаях, объявил глашатай.

В Карасу-Базаре проживают татары, греки и армяне. Именно последние составили основную часть моих пациентов. Судя по многочисленным выражениям признательности, которые я здесь постоянно получал, можно с уверенностью сказать, что эти люди никогда не забудут помощь, оказанную им мною. Что же касается вашего покорного слуги, то я навсегда сохраню приятное воспоминание о том моменте, когда в сопровождении уважаемых армянских священников я обходил дома представителей этой общины, иногда убеждая пациентов просто следовать моим советам, а иногда излечивая их от болезни путём хирургического вмешательства. Здесь особо я бы хотел упомянуть о двух операциях камнесечения, о двух случаях удалении катаракты и об операции по поводу стафиломы.

Как я уже говорил, мне не забыть слёзы радости и благодарности армянских матерей. С особой трепетностью я буду хранить колючки и кошельки, на которых золотыми нитками вышиты имена вылеченных мною детей.

Особенности верхнего и нижнего удалений катаракты, проведённых мною в Карасу-Базаре, а также извлечение трёх крупных камней из мочевого пузыря у двух детей возраста пяти лет вполне могли бы вынудить меня продлить своё пребывание в этом городе. В связи с этим я хочу более подробно остановиться на одном серьёзном осложнении, случившимся в ходе верхнего удаления катаракты у одной армянской женщины.

Поднеся кончик скальпеля к стенке роговицы, которую надо было пронзить этим инструментом, я неожиданно наткнулся на какое-то препятствие и попытался средним пальцем оказать давление на носовой угол глаза. Из этого ничего не получилось. Тогда я был вынужден левой рукой взять ещё один скальпель и с его помощью совершить новый разрез, через который и прошёл кончик первого скальпеля... Конечно, у меня возникли сомнения по поводу положительного результата данной операции, но каким же было моё удивление, когда через две недели после этого, вернувшись в Карасу-Базар для осмотра прооперированных мною пациентов, я застал мою больную в прекрасном настроении с совершенно здоровым глазом. Без сомнения, этому во многом способствовал тщательный уход за ней со стороны местного врача Белинга.

Этот уникальный случай в моей практике всё же не является единственным в мире. О подобном осложнении в своём превосходном труде «Практический трактат по глазным болезням» рассказывает доктор Уильям Макензи² <...>.

Что касается извлечения камней, то я произвёл эту операцию по методу Дюпоитрёна³, используя билатеральный надрез, выполненный с помощью прекрасных ин-

¹ Карасубазар – ныне город Белогорск.

² Уильям Макензи (Маккензи; 1791–1868) – офтальмолог из Шотландии, автор одного из первых британских учебников по офтальмологии («Practical Treatise of the Diseases of the Eye»), первое издание которого увидело свет в Лондоне в 1830 г.

³ Гийом Дюпоитрэн (1777–1835) – французский хирург широкого профиля, заведующий хирургическим отделением парижского госпиталя Отель-Дьё, профессор медицинского факультета Парижского университета, член Национальной медицинской академии и Парижской академии наук.

струментов, произведённых господином Шарьёром, и строго следуя указаниям опытейшего хирурга. Несмотря на то что данный метод не применяется в Германии, я впервые и очень успешно использовал его в России.

ФЕОДОСИЯ

В городе Феодосии я прооперировал 25 человек в рамках помощи неимущим. Какой бы ни была моя нагрузка в других крымских городах, она не идёт ни в какое сравнение с работой, выполненной в Феодосии. Здесь я был вынужден задержаться на целых две недели. Подготовка к операциям, огромное количество больных, нескончаемым потоком шедшим ко мне с утра и до вечера, визиты к тем, кто по состоянию здоровья сами не могли посетить меня, – всё это не давало мне ни минуты покоя и ослабляло мое здоровье. Кроме того, меня ещё посещали жители соседних немецких колоний и Судакской долины.

Счастливый случай способствовал укреплению доверия ко мне со стороны феодосийцев. Так как здесь помнили, что я сопровождал Его Превосходительство два месяца назад во время посещения им этого города, стали быстро распространяться слухи о том, будто бы и на этот раз я приехал по поручению самого графа Воронцова. Я не стал разрушать эту благоприятную для достижения цели моего путешествия иллюзию.

Не буду подробно рассказывать ни о нескольких случаях удаления катаракты, ни о блефаропластике, сделанной молодой девушке, потерявшей в результате ожога верхнее веко, ни об удалении инкапсулированной опухоли, расположенной в верхней части орбиты левого глаза маленького ребёнка, ни о многих других интересных случаях. Остановлюсь лишь на двух эпизодах.

Выгоды, полученные человечеством в результате выполненных знаменитыми глазными хирургами многочисленных операций, таких как создание искусственного зрачка, в ходе моего путешествия в полной мере ощутили представители неимущего населения.

Однажды по указанию начальника полиции ко мне привели ослепшего в возрасте пяти лет полуголого восьмилетнего цыганёнка. Звали его Омир Углу, и одет он был в самые настоящие лохмотья. Его плотная центральная лейкома, сопровождавшаяся слипанием кромки зрачка по всей окружности обоих глаз, через некоторое время могла бы полностью лишить парня надежды вновь увидеть дневной свет, если бы ему вовремя не помогла опытная рука глазного хирурга. Я отправил мальчика назад к начальнику полиции, выразив намерение немедленно провести операцию в доме самого чиновника. И вот в присутствии хозяина дома, нескольких светских дам, шевалье Бутми и генерала Врангеля я прооперировал паренька, который во время моего хирургического вмешательства вёл себя просто образцово. Каким же был его восторг, когда после операции на зрачках обоих глаз он вновь смог увидеть предметы, о которых у него до этого были только смутные воспоминания из далёкого детства. Все присутствующие щедро одарили мальчика деньгами и перевязочным материалом. В тот же день счастливый отец ребёнка отнёс его на руках в свою хижину. Через восемь дней маленький цыганёнок уже всюду бегал по окрестностям города. Его хижина, расположенная на природе, оказалась в тысячу раз лучше любой частной клиники. Она быстро залечила раны, нанесённые моим скальпелем <...>.

Хочется поведать ещё об одном случае, где проявилось всё благородство души татарского народа. Слепой по имени Морат-Ахмет-Оглу, обитающий в скалах, возвышающихся на севере Феодосии, каждый день спускался в город, чтобы просить там милостыню. Его правый глаз был полностью разрушен, но левый, к счастью, оставлял возможность создать в нём искусственный зрачок, чем я и воспользовался, проведя операцию в присутствии своих многочисленных пациентов. Глубоко поражённый тем, что он вновь видит свет, Ахмет-Оглу скрестил руки на груди, затем поднёс их ко рту и ко лбу, а после этого припал к моим ногам. Все свои действия он сопровождал какими-то восхвалениями на непонятном мне татарском языке.

Десять дней спустя он покинул свою лачугу и вместе с сыном перебрался в город. Ахмет-Оглу перестал попрошайничать и начал сам зарабатывать себе на жизнь. После своего выздоровления часто навещая меня, добрый старик каждый раз припадал к моим ногам и, как объяснил мне переводчик, считал меня посланцем высшей силы <...>.

Перед тем, как отправиться в Керчь, я также прооперировал катаракту у слепого восьмидесятилетнего ветерана армии екатерининских времён капитана Мугулова. Ранее он прислал мне очень трогательное письмо с мольбой нанести ему визит. Большое количество пациентов не дало мне возможности сразу же откликнуться на его просьбу. На другой день в парадном облачении со всеми регалиями в сопровождении девушки-поводыря старик сам пришёл ко мне. После того, как я пообещал почтенному ветерану вернуть ему зрение и назначил операцию на следующий день, он просто расплакался от счастья <...>.

Через двенадцать дней после успешно проведённой операции старик вновь посетил мой дом. Он нежно обнял меня и попросил принести ему перьевую ручку, чтобы записать и сохранить для своих потомков имя своего спасителя. При виде дрожащей руки старика, я сам написал ему своё имя.

Великий Боже! Сколько радости смог бы испытывать от результата своей работы врач, если бы только так часто он не был свидетелем людского горя.

КЕРЧЬ. ДРЕВНИЙ ПАНТИКАПЕЙ

Пароход, на котором я должен был отплыть из Крыма, прибывал только через пять дней. Я решил воспользоваться этим временем, чтобы совершить врачебную поездку в Керчь <...>.

Город, возвышающийся над Боспором¹, за небольшой отрезок времени достиг осязательного прогресса.

Керченский градоначальник Его Превосходительство князь Херхеулидзе заранее предупредил больных о моём приезде, и офицер полиции проводил меня в то место, где я должен был вести приём своих пациентов. Хочется также выразить благодарность начальнику гарнизона крепости Ени-Кале генералу Берхману, ознакомившего меня с находящимся в прекрасном состоянии гарнизонным госпиталем, где, к сожалению, я не нашёл ни одного больного, нуждавшегося в моей помощи.

В Керчи я провёл только одну коректомию и две операции по лечению трихиаса. Всё это время рядом со мной находился керченский доктор Пекарский, которому я обя-

¹ Керченским проливом.

зан знакомством с редкой крымской болезнью, известной в нозологии под названием *Morbus Crimensis*. Однажды, когда я уже намеревался провести операцию по созданию искусственного зрачка греческому мальчику, потерявшему зрение около шести лет назад в результате заболевания оспой, его рахитичный вид насторожил меня.

Я раздел пациента догола и моему взору предстала страшная картина кожного заболевания, описанная Франком-сыном¹. Мальчик был подвержен недугу вот уже на протяжении пяти лет. Все системы его организма были поражены этой болезнью. Следуя своему правилу никогда не предпринимать ничего рискованного, я отказался от операции, опасаясь причинить больному ещё большие страдания <...>.

* * *

Аккуратно упаковав все свои инструменты и ощущая срочную потребность в отдыхе, я взошёл на пароход, отплывавший в Одессу, вместе с Его Превосходительством генерал-губернатором, а также его семьёй.

В момент отплытия парохода жители Алупки, Мисхора, Ливадии и Массандры, собравшиеся на набережной Ялты, чтобы поприветствовать Его Превосходительство, грянули дружное «Ура».

Вскоре, оказавшись в открытом море, я с сожалением заметил, что потерял из виду крымский берег, который я, наверное, уже никогда больше не смогу посетить. И всё же этот край навсегда останется в моей памяти тем местом, где за довольно короткий срок мне удалось вылечить очень много больных <...>.

Список использованных источников и литературы

1. Г. Г. Ванцетти (Тито Vanzetti) // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : типо-литография И. А. Ефрона, 1892. – Т. 5 а : Вальтер – Венути. – С. 497–498.

G. G. Vantsetti (Tito Vanzetti) // Entsiklopedicheskiy slovar' / izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb. : tipolitografiya I. A. Efrona, 1892. – Т. 5 а : Val'ter – Venuti. – S. 497–498.

2. Ванцетти Тито // Экспериментальная научная энциклопедия : [электронный ресурс]. – Режим доступа : wiki.laser.ru/index.php/Ванцетти_Тито.

VantsettiTito // Eksperimental'nayanauchnayaentsiklopediya : [elektronnyyresurs]. – Rezhim dostupa : wiki.laser.ru/index.php/Vantsetti_Tito.

3. Vanzetti T. Excursion en Crimée faite dans l'automne de l'année 1835 / T. Vanzetti. – Odessa : A l'imprimerie de la ville, 1836. – 63 p.

4. Захарова О. Ю. Светлейший князь М. С. Воронцов / О. Ю. Захарова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2004. – 312 с.

Zakharova O. Yu. Svetleyshiy knyaz' M. S. Vorontsov / O. Yu. Zakharova. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2004. – 312 s.

¹ Иоганн Петер Франк (1745–1821) и его сын Иосиф Франк (1771–1842) – австрийские врачи, доктора медицины, авторы многих книг по медицине. Иоганн Франк – профессор клинической медицины, директор Венской городской больницы и клиники внутренних болезней в Вене. По приглашению Российского правительства в 1804 г. он прибыл с семьёй в Россию. Стал лейб-медиком императора Александра I; некоторое время работал в Виленском университете, с 1805 г. – в Санкт-Петербурге в должности ректора Медико-хирургической академии и возглавлял кафедру; в 1811 г. вернулся в Вену. Иосиф Франк был профессором Виленского университета (1805–1823 гг.) и возглавлял клинику, основанную его отцом в Вильно; после выхода в отставку жил в Италии.

5. Pallas P. S. Tableau physique et topographique de la Tauride tiré du journal d'un voyage fait en 1794 / P. S. Pallas. – St. Pétersbourg : [De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences], 1795. – [6], 59 p.
6. Pallas P. S. Tableau physique et topographique de la Tauride... / P. S. Pallas. – Paris : Guillaume; Gide, 1799. – 172 p.
7. Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области / П. С. Паллас; пер. И. Рижского. – СПб. : печ. в Имп. типографии, 1795. – 72 с.
- Pallas P. S. Kratкое fizicheskoe i topograficheskoe opisaniye Tavricheskoy oblasti / P. S. Pallas ; per. I. Rizhskogo. – SPb. : pech. v Imp. tipografii, 1795. – 72 s.
8. Montandon C. H. Guide du voyageur en Crimée... / C. H. Montandon. – Odessa: Impriemrie de laville, 1834. – 387 p.
9. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму... / Ш. Монтандон; пер. с франц. В. В. Орехова. – Киев : ИД «Стилос», 2011. – 416 с.
- Montandon Sh. Putevoditel' puteshhestvennika po Krymu... / Sh. Montandon ; per. s frants. V. V. Orekhova. – Kiev : ID «Stilos», 2011. – 416 s.
10. Галиченко А. А. Старинные усадьбы Крыма / А. А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 416 с.
- Galichenko A. A. Starinnye usad'by Kryma / A. A. Galichenko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2008. – 416 s.
11. Галиченко А. А., Филатова Г. Г. Мисхор: судьба имения и его обитателей / А. А. Галиченко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 86 с.
- Galichenko A. A., Filatova G. G. Miskhor : sud'ba imeniya i ego obitateley / A. A. Galichenko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2005. – 86 s.
12. Фадеева Т. М. Две Софии и Пушкин: истоки вдохновения Бахчисарайского фонтана / Т. М. Фадеева. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. – 216 с.
- Fadeeva T. M. Dve Sofii i Pushkin : istoki vdokhnoveniya Bakhchisarayskogo fontana / T. M. Fadeeva. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2008. – 216 s.
13. Иванов А. В. Алушка : путеводитель / А. В. Иванова. – Севастополь : Библекс, 2006. – 64 с.
- Ivanov A. V. Alupka : putevoditel' / A. V. Ivanova. – Sevastopol' : Bibleks, 2006. – 64 s.
14. Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского / М. В. Агбунов. – М. : Мысль, 1985. – 160 с.
- Agbunov M. V. Zagadki Ponta Evksinskogo / M. V. Agbunov. – M. : Mysl', 1985. – 160 s.
15. Агбунов М. В. Античная лоция Чёрного моря / М. В. Агбунов. – М. : Наука, 1987. – 156 с.
- Agbunov M. V. Antichnaya lotsiya Chernogo morya / M. V. Agbunov. – M. : Nauka, 1987. – 156 s.
16. Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции / В. Г. Зубарев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 504 с.
- Zubarev V. G. Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoy pis'mennoy traditsii / V. G. Zubarev. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. – 504 s.
17. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с.
- Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) / I. V. Tunkina. – SPb. : Nauka, 2002. – 676 s.
18. Тункина И. В. Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) / И. В. Тункина // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений : в 2 т. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. – СПб. : Коло, 2010. – Т. 1 : тексты. – С. 533–588.
- Tunkina I. V. Raskopki D. V. Kareyshi i A. B. Ashika v Vostochnom Krymu (1831–1835 gg.) / I. V. Tunkina // Pol' Dyubryuks. Sbranie sochineniy : v 2 t. / sost. i otv. red. I. V. Tunkina. – SPb. : Kolo, 2010. – T. 1 : teksty. – S. 533–588.
19. Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу, в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италии, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах : в 2 т. / Н. С. Всеволожский. – М. : в тип. А. Семена, при Имп. медико-хирургической академии, 1839. – Т. 1. – 495 с., IV с. ; Т. 2. – 520 с., IV с.
- Vsevolozhskiy N. S. Puteshestvie cherez Yuzhnyuyu Rossiyu, Krym i Odessu, v Konstantinopol', Maluyu Aziyu, Severnyuyu Afriku, Mal'tu, Sitsiliyu, Italii, Yuzhnyuyu Frantsiyu i Parizh v 1836 i 1837 godakh : v 2 t. /

N. S. Vsevolozhskiy. – M. : v tip. A. Semena, pri Imp. mediko-khirurgicheskoy akademii, 1839. – T. 1. – 495 s., IV s. ; T. 2. – 520 s., IV s.

20. Кёппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических / П. И. Кёппен. – СПб. : печ. при Имп. Академии наук, 1837. – 412 с.

Керпен P. I. Krymskiy sbornik. O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh / P. I. Kerpen. – SPb. : pech. pri Imp. Akademii nauk, 1837. – 412 s.

21. Villeneuve de E. Album historique et pittoresque de la Tauride / E. de Villeneuve. – Paris : Kaerppelin, imprimeur-litographe, editeur, 1853. – 24 p., 40 ill.

22. Петрова Э. Б. «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / Э. Б. Петрова ; пер. с франц. А. В. Карпенко. – Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь : Н. Орианда, 2015. – 240 с., ил.

Petrova E. B. «Istoricheskiy i khudozhestvennyy al'bom Tavridy» Evgeniya de Vil'neva i Vikentiya Russena / E. B. Petrova ; per. s frants. A. V. Karpenko. – Feodosiya : ID «Koktebel'»; Simferopol' : N. Orianda, 2015. – 240 s., il.

23. Судак Луи де. Мели Фернан де. Рамбо Альфред. Французские путешественники в Крыму : XIX век / пер. с франц. Г. И. Беднарчика. – Симферополь : Н. Орианда, 2014. – 312 с.

SudakLuide. Meli Fernan de. Rambo Al'fred. Frantsuzskie puteshhestvenniki v Krymu : XIX vek / per. s frants. G. I. Bednarchika. – Simferopol' : N. Orianda, 2014. – 312 s.

24. Крымские путешествия : Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 году / вступит. статья Т. А. Прохоровой ; пер. с англ. Т. А. Прохоровой, О. В. Широкова ; предисл. Э. Б. Петровой ; под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. – 224 с.

Krymskie puteshhestviya : Dzheymz Uebster i ego voyazh po Krymu v 1827 godu / vstupil. stat'ya T. A. Prokhorovoy ; per. s angl. T. A. Prokhorovoy, O. V. Shirokova ; predisl. E. B. Petrovoy ; pod red. E. B. Petrovoy. – Simferopol' : Biznes-Infom, 2016. – 224 s.

25. Колли Л. П. Иван Иванович Грапперон : биографический очерк / Л. П. Колли // Известия Таврической учёной архивной комиссии. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 38–47.

Kolli L. P. Ivan Ivanovich Grapperon : biograficheskiy ocherk / L. P. Kolli // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii. – Simferopol', 1905. – № 38. – S. 38–47.

26. Петрова Э. Б. Граперон И. И. / Э. Б. Петрова // Крым в лицах и биографиях. – Симферополь : Атлас-Компакт, 2008. – С. 178–180.

Petrova E. B. Graperon I. I. / E. B. Petrova // Krym v litsakh i biografiyakh. – Simferopol' : Atlas-Kompakt, 2008. – S. 178–180.

Petrova E. B. Titus Vanzetti and his «Journey to the Crimea, conducted in the autumn of 1835» / E. B. Petrova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 2. – P. 39–74.

Among the Crimean travel writings in the late XVIII – XIX century the book of Titus Vanzetti (1809–1888), Italian physician (surgeon, ophthalmologist, after 1837 – Doctor of Medicine), a graduate of the University of Padua, is distinguished by its content and relevance. Vanzetti visited the Crimea with a working trip in the summer-autumn of 1835, on the invitation of count Mikhail Vorontsov. He operated on patients for free and has made 76 successful operations on the southern coast of the Crimea (Alupka), in Simferopol, Bakhchisarai, Karasubazar, Kerch, Feodosia. At the same time in the short periods of rest he saw the sights of the Crimean peninsula. His book was published in French in Odessa in 1836. It is of interest to specialists in the field of history, ethnography, literature, medicine, and is included into scientific use for the first time. G. I. Bednarchik made the translation of the book into Russian language.

Keywords: Crimea travelers of the late XVIII – early XIX century, Titus Vanzetti.

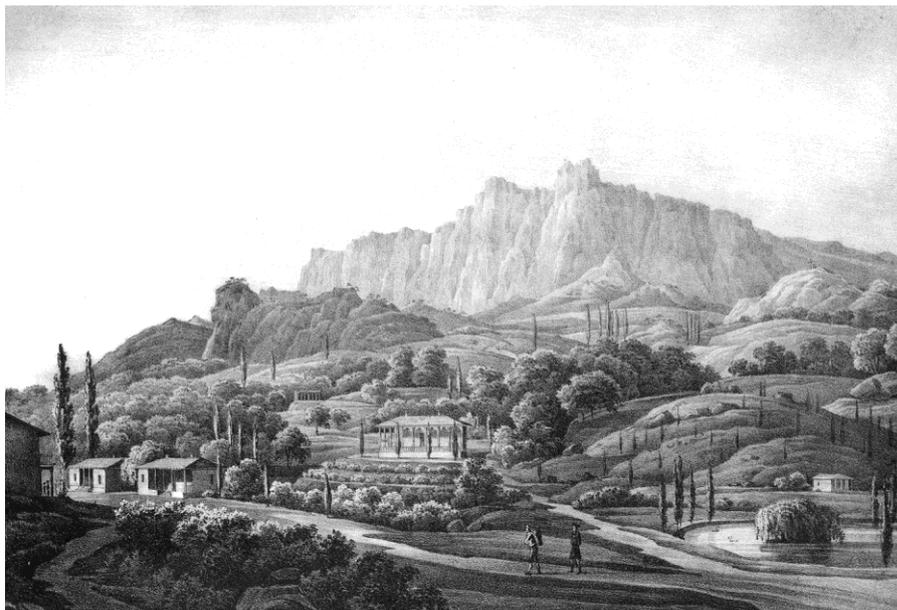


Рис. 1. Н. Чернецов. Мисхор. Дача Л. А. Нарышкина. 1830-е гг.
Из книги М. Мальгиной «Виды Крыма первой половины XIX века»
(Симферополь, 2006).



Рис. 2. О. Раффе. Замок князя М. С. Воронцова в Алушке. 1837 г.



Рис. 3. Кафедральный (Александро-Невский) собор в Симферополе (1829 г.).
Открытка начала XX в.



Рис. 4. К. Боссоли. Хан-Сарай (Ханский дворец) в Бахчисарае. 1857 г.



Рис. 5. К. Боссоли. Общий вид Карасубазара. 1840-е гг.



Рис. 6. И. Айвазовский. Феодосия. Восход солнца. 1852 г.



Рис. 7. К. Боссоли. Керчь со стороны верхней дороги к Ени-Кале. 1840-е гг.